

а н а т о л и й

ИВАНОВ

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ОСОБНЯКОВ

ДОМА

И ЛЮДИ

Всё о Санкт-Петербурге

Анатолий Иванов

**История петербургских
особняков. Дома и люди**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Иванов А. А.

История петербургских особняков. Дома и люди / А. А. Иванов —
«Центрполиграф», 2018 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08282-4

Книга Анатолия Андреевича Иванова рассказывает историю петербургских особняков. Точнее, особняками они были в прошлом, а сегодня чаще всего это обычные дома, сохранившие следы былого великолепия. Некоторые здания уже, увы, исчезли с карты города... На страницах собраны рассказы о старинных постройках, которые можно назвать подлинными сгустками истории. Увлекательно повествуется о примечательных строениях и их обитателях, придворных, купцах, представителях творческих профессий, ведь судьбы домов неотделимы от судеб живших тут людей. Воскрешаются забытые и полузабытые имена, восстанавливается нарушенная связь времен... Вы прочтете о реальных событиях, легендах и тайнах прошлого Северной Пальмиры. Путешествие вместе с автором по петербургским улицам и переулкам позволит ощутить поэзию старины, почувствовать тесную связь прошлого с настоящим.

УДК 94(470.23)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08282-4

© Иванов А. А., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	7
Адмиралтейский остров	9
Царский подарок	9
За казенным фасадом	18
Особняк-невидимка	26
Пенаты графа Соллогуба	40
«Стоящий на Неву реку...»	50
Во фраке, надетом на голое тело...	63
С фасадом «во вкусе Растрелли»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анатолий Иванов
История петербургских особняков
Дома и люди

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Иванов А. А., 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о петербургских особняках. Точнее, особняками они были в прошлом, а в наши дни чаще всего это обычные дома, сохранившие лишь остатки прежнего великолепия. После революции многие владельцы были вынуждены покинуть свои жилища, навсегда простившись с родиной; их место заняли другие, и бывшие барские хоромы превратились в коммунальные квартиры или в государственные учреждения.

Большевики пытались насаждать новую культуру, отбрасывая то, что было до них, и решительно порывая с прошлым. Но, как оказалось, новой культуры не бывает, потому что культура – это опыт многих поколений, духовное и материальное наследие предков. Пришла пора наводить мосты между прошлым и настоящим, восстанавливать нарушенную связь времён, что с большим или меньшим успехом и пытаются делать в наши дни.

Я избрал в качестве отправной точки старинные дома, которые можно назвать подлинными сгустками истории. Они неотделимы от судеб живших там людей, вот почему так много места в книге отведено характеристикам отдельных личностей, далеко не всегда выдающихся или просто симпатичных. И все же их присутствие необходимо.

Говоря языком археологов, это тот «культурный слой», что помогает полнее представить себе жизнь старого Петербурга. Моей целью было воскресить забытые и полузабытые имена, помочь ощутить поэзию старины, привлечь внимание к неприметной и неброской, ускользающей от глаз красоте.

Чтобы свести воедино все очерки, относящиеся к циклу «История домов и судьбы людей», здесь помещены как те, что уже вошли в другие мои книги – «Дома и люди», «Петербургские истории», «Набережная Кутузова», так и те, что известны читателям лишь по сокращённым газетным публикациям. Иногда я ограничиваюсь одним, наиболее ярким эпизодом из истории здания, если остальная её часть не представляет особого интереса или достаточно известна, – это позволяет избежать ненужных длиннот и летописных подробностей. Расширен и круг рассматриваемых построек, куда включен ряд исчезнувших особняков и усадеб, а также доходных домов.

Главным мерилом при отборе служила не формальная принадлежность к той или иной категории, а исторический и культурный интерес. Для удобства читателей очерки объединены по топографическому принципу. Лишь в немногих случаях я позволил себе отступления от этой схемы.

Особняки, описанные в книге, располагаются на территории Адмиралтейского острова и Литейной части. Отдельно хочу сделать пояснение относительно текста, посвящённого домам, стоящим на набережной Кутузова: я не имел намерения проследить всю историю набережной, ограничившись, за небольшими исключениями, лишь дореволюционным периодом, когда дома ещё имели хозяев. В советские времена их не стало, а писать о жильцах коммунальных квартир и служащих госучреждений, признаюсь, не хватает вдохновения. Когда исчезает личность владельца, почему-то пропадает любопытство, а вслед за тем и охота к поискам, которую оно питает...

Адмиралтейский остров

Царский подарок (Дом № 10 по Дворцовой набережной)

Все дома на Дворцовой набережной имеют интересную судьбу. Они не раз меняли наружный облик, повинаясь изменениям архитектурной моды и вкусов своих владельцев, но всегда сохраняли индивидуальность. Не исключение и дом № 10, о котором пойдет речь, – внушительных размеров, с богато украшенным фасадом в необарочном стиле. Правда, за долгие годы безразличного, а то и просто варварского отношения старый дом во многом утратил былой блеск, разделив печальную судьбу своих собратьев.

Дом № 10 по Дворцовой набережной. Современное фото

Почему мы так скверно относимся к своему наследию? Может быть, потому, что дом для нас – просто крыша над головой, и мы ничего не знаем, а подчас и знать не желаем о его прошлом, довольствуясь лишь настоящим? Отсюда и психология временных постояльцев, которым ничто не дорого. Прошлое бывает разным: возвышенным и трагическим или смешным и даже нелепым, но знание его всегда полезно, потому что расширяет границы нашего понимания, дает ощущение сопричастности тому, что было до нас, что не нами начато и не нами кончится.

О. М. де Рибас

В конце XVIII века территория, занимаемая ныне домом, состояла из двух отдельных участков, протянувшихся от набережной Невы до Миллионной улицы. Владельцами их были основатель Одессы адмирал Осип Михайлович де Рибас, женатый на воспитаннице и наследнице известного деятеля екатерининского времени И. И. Бецкого (ему и принадлежал ранее этот участок), и капитан П. П. Рогозинский. При этом де Рибасу принадлежали два дома на набережной, примыкавшие к бывшему особняку князя Кантемира (ныне дом № 8), а Рогозинскому – один.

В 1798 году император Павел, очарованный девицей А. П. Лопухиной, через своего любимца Кутайсова предложил ее отцу покинуть Москву и переселиться в Петербург с женой и дочерьми. Одновременно ему был предоставлен следующий выбор: при согласии – дарование титула светлейшего князя и миллионное богатство; при отказе – опала и путешествие в пределы Восточной Сибири. Благоразумный родитель предпочел первый вариант.

А. П. Лопухина

В связи с этим возникла необходимость приискания для семейства П. В. Лопухина достойного жилья. Доверенное лицо государя адмирал Г. Г. Кушелев обратился к своему приятелю де Рибасу с предложением продать бывший дом Бецкого. Ответ не замедлил прийти; де Рибас охотно согласился расстаться со своим владением. Вот отрывок из его послания: «На письма Вашего превосходительства... имею честь ответить: за великое счастье поставляю, когда угодно будет Его императорскому величеству взять в казну дом мой... Предоволен буду потому особенно, что имеющиеся на мне долги меня много беспокоят. Сей дом в хорошем состоянии, в нем 130 покоев, картин и мебели не мало, церковь, две ранжереи, сад и хорошие службы. Что же касается цены, то хотя он, как по оставшимся после покойного И. И. Бецкого запискам известно, стоит больше ста тридцати тысяч рублей, но если бы мне за него пожаловано было сто десять тысяч рублей, то я бы весьма доволен был, особливо в рассуждении долгов».

Сделка состоялась, а 20 августа 1798 года вышел указ о пожаловании «в вечное и потомственное владение» генерал-прокурору П. В. Лопухину купленного в казну дома вице-адмирала де Рибаса. Прибыв из Москвы, Лопухины поселились в доме на набережной. Император не препятствовал своей фаворитке выйти замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина, с которым, по свидетельству одного из современников, она была тайно обручена. В 1799 году, приехав в Гатчину из действующей армии, счастливый жених, как повествует далее тот же современ-

менник, «упал в ноги Государю, повергая к стопам его Французские знамена и ключи Турина, только что взятого Суворовым. Павел принял Гагарина, как сына, и объявил ему близкую свадьбу с княжною Анною, которую он передает... такую же, как получил ее».

П. Г. Гагарин

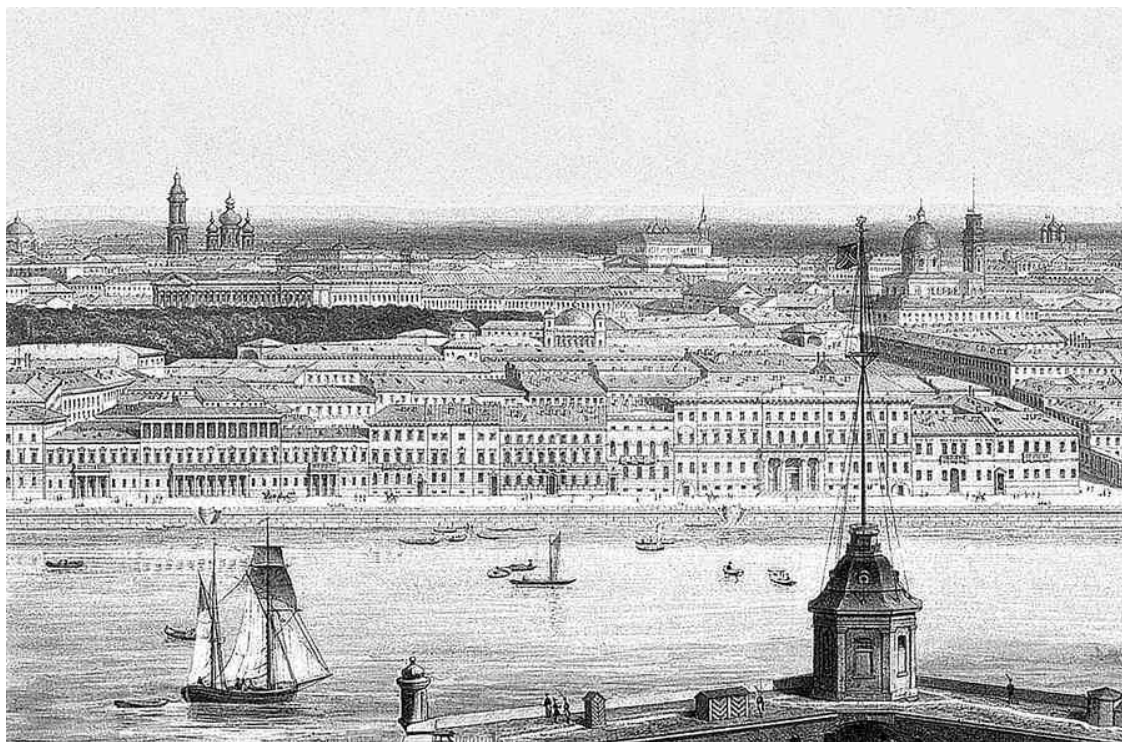
Свои заботы о будущем благоденствии молодоженов щедрый монарх простер до того, что, прикупив к дому де Рибаса смежный с ним участок Рогозинского, заказал архитектору Дж. Кваренги проект перестройки трех домов по набережной в одно большое здание – в виде свадебного подарка. В том же году проект был составлен, а уже летом следующего года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется такое объявление: «1-ой Адмиралтейской части в 1 квартале в домах... Княгини Анны Петровны Гагариной под № 17 и 18 отдаются покои в наем». Дом построили в необычайно короткий срок. Впрочем, зная неистовую торопливость и нетерпеливость Павла I, трудно удивляться такой поспешности. Воистину царский подарок.

Историк Петербурга П. Н. Петров писал, что дом в два этажа, с мезонином и тремя обширными балконами, поддерживаемыми колоннами, казался для своего времени модной игрушкой, на нее специально ездили любоваться. Со стороны двора был разведен очень грациозный висячий садик, уничтоженный при позднейшей перестройке здания. Довольный император наградил архитектора за эту работу крестом Святого Иоанна Иерусалимского.

Любимец Павла, его брадобрей Кутайсов, пожалованный за свое, надо полагать, и впрямь недюжинное мастерство титулом графа, поселил в соседнем доме по набережной свою любов-

ницу, французскую актрису Шевалье. По словам очевидца, «ежедневно одна и та же карета отвозила императора и его холопа в обители их любви, оказавшиеся так близко друг к другу».

Графиня В. Н. Головина пишет о Лопухиной, что та «имела красивую голову, но была невысокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, черные брови и волосы... прекрасные зубы и приятный рот были ее единственными прелестями... Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно, Лопухина была добра и не способна ни желать, ни делать чего-либо злого... Ее влияние проявлялось только в раздаче милостей; у нее не было данных, чтобы распространять его на дела, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмешиваться во все. Часто она испрашивала прощение невинных, с которыми император поступал очень строго в минуты гнева; тогда она плакала или дулась и таким образом достигала желаемого».

Ж. Бернардацци. Панорама Петербурга. Фрагмент. 1850 г. Слева – дом П. Г. Гагарина

После смерти Павла Гагарин с женой отправился за границу, где обходился с ней очень плохо, заставив переписать на себя все ее состояние, а вскоре после возвращения в Петербург овдовел. На могиле жены он велел высечь надпись: «Супруге моей и благодетельнице». «Уж хоть бы промолчал», – замечает по этому поводу Н. И. Греч в своих «Записках».

В 1809 году в доме Гагарина случился пожар. В результате сгорел весь мезонин, замененный при восстановлении «безобразной галереей», как выразился о ней тот же Греч. Оставим последнее утверждение на совести желчного журналиста: судя по сохранившимся изображениям, здание не утратило привлекательности и в таком виде.

Что же касается владельца, то ему не откажешь, по крайней мере, в оригинальности. Похоронив жену, он заперся в своем жилище на Дворцовой набережной с большими и увечными собаками, подбираемыми во время одиноких прогулок. Они наполняли весь дом, лежали на диванах и креслах. Целую комнату отвели летавшим на свободе птицам, а голубей и галок князь ежедневно кормил в урочные часы с балкона. Он перестал заботиться о своей внешности

и в сопровождении ливрейного лакея прогуливался по улицам в старом халате и с ермолкой на лысой голове.

П. Г. Гагарин не чуждался литературы, помещая свои стихи в «Вестнике Европы», издаваемом Жуковским. Будучи страстным любителем книг, он собрал большую библиотеку, где имелось много редкостей. В 1831 году князь неожиданно для всех женился на балерине М. И. Спиридоновой, после чего изменил образ жизни, оставил уединение и, «окруженный стаею гнусных собак», поселился в своем поместье на правом берегу Невы.

Е. П. Лунина

В 1806 году в доме Гагарина останавливался П. И. Багратион, а в 1810-х годах здесь поселилась Е. П. Лунина, двоюродная сестра декабриста и знакомая А. С. Пушкина. Они познакомились в послелицейский период жизни поэта. Несмотря на довольно некрасивую наружность, Лунина слыла львицей большого света. Она много путешествовала с матерью, была во Франции, Германии, хорошо знала музыку и обладала прекрасным голосом. В Париже, в салоне королевы Гортензии (супруги короля Голландии Луи Бонапарта, брата Наполеона), она имела такой успех, что Наполеон просил ее петь в дружеском кружке в Тюильри. Этого оказалось достаточно, чтобы сделать ее знаменитой в русском обществе. В одном из писем Пушкин сообщал: «Еду сегодня в концерт великолепной и необыкновенной певицы Екатерины Петровны Луниной».

Жила она в нижнем этаже. Однажды ранним утром любивший пешие прогулки Александр I заметил, как кто-то вылезал из окна ее квартиры. Вернувшись во дворец, император призвал к себе обер-полицмейстера и через него велел передать Луниной, чтобы та остерега-

лась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у нее есть драгоценного. Впоследствии Екатерина Петровна вышла замуж за итальянца графа Риччи, певца, поэта и композитора. Он перевел на итальянский язык стихотворения Пушкина «Демон» и «Пророк».

С этим же домом связаны весьма заметные события в жизни самого Пушкина. В 1827–1830 годах здесь проживало семейство А. Н. Оленина, с которым поэт был знаком с юных лет. Весной 1827 года, вернувшись в Петербург после ссылки, Пушкин возобновил старые связи с гостеприимным домом Олениных. Особенно часто он стал навещать их с весны следующего года. Известно его увлечение в то время Анной Алексеевной Олениной. После неудачного сватовства поэта наступило охлаждение в отношениях с семьей Олениных, и с осени 1828 года он прекратил свои посещения. Наряду с Пушкиным частыми гостями здесь были П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич.

А. Н. Оленин

После смерти Гагарина в 1850 году дом перешел к его дочери Наталье Павловне (1837–1905), позднее вышедшей замуж за чиновника Министерства иностранных дел М. Д. Жеребцова, по отзыву князя С. М. Волконского, «тонкого, умного человека, одного из виднейших представителей русского католицизма».

А. А. Оленина

В октябре 1855 года здесь нанял квартиру спешно вышедший в отставку министр путей сообщения граф П. А. Клейнмихель (о нем нам еще предстоит говорить далее). Отставку вызвало недовольство Александра II состоянием дорог в Крыму, где он побывал в то время. Впрочем, государь очень скоро сменил гнев на милость и явился в дом Гагариной, чтобы лично выразить соболезнование графу по случаю тяжелой болезни его сына Александра.

В 1860 году архитектор Л. Ф. Фонтана, впоследствии автор таких построек, как гостиница «Европейская», Малый, или Суворинский, театр (ныне БДТ имени Г. А. Товстоногова), здание для художественно-промышленной выставки в бывшем Соляном городке, составил проект перестройки дома Жеребцовой. Трудно сказать, что побудило владельцев обратиться к тогда еще малоизвестному зодчему, недавнему помощнику Г. А. Боссе, делавшему в ту пору лишь первые самостоятельные шаги. Возможно, это было сделано по рекомендации самого Боссе, крупного и всеми признанного авторитета. Так или иначе, выбор оказался удачным: Фонтана не посрамил своего мэтра. В тонкой проработке архитектурных деталей, в изящных лепных украшениях окон второго этажа чувствуется несомненный вкус и хорошая школа.

Дальнейшая судьба дома такова. До самой смерти им владела все та же Н. П. Жеребцова, а затем дом перешел к ее сыну Д. М. Жеребцову, продавшему его в 1914 году богатому заводчику, председателю акционерного общества «Воронин, Лютш и Чешер» И. А. Воронину. Интересно, что сто с лишним лет домом владели представители всего двух фамилий, – такое бывает нечасто.

В 1918 году в бывшей квартире Жеребцовых некоторое время проживала вдова великого князя Константина Константиновича (известный поэт, писавший под инициалами К.Р.) с сыном и дочерью. Большевики выселили их из Мраморного дворца.

И еще одна любопытная подробность. До революции в доме помещалось Императорское Российское автомобильное общество, созданное в мае 1903 года и сыгравшее значительную роль в деле развития автомобильного спорта в России. Оно устраивало международные выставки «автомобилей, двигателей, велосипедов и спорта», а также все более далекие международные автопробеги. И если поначалу работа общества встречала мало сочувствия у правительства, смотревшего на автомобилизм скорее как на забаву, чем на серьезное дело, то в 1909 году за ним уже признают государственное значение.

В заключение несколько слов об ошибке, допущенной в монографиях, посвященных творчеству Джакомо Кваренги, опубликованных в 1970–1980-е годы. В них утверждается, что дом Гагарина находился на месте нынешнего дома № 12–16 и был разрушен в войну. Ошибка очевидная. Дом Гагарина примыкал к бывшему особняку князя Кантемира, принадлежавшему в середине XIX века Министерству финансов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться хотя бы к атласу Петербурга 1849 года, составленному Н. И. Цыловым.

Жаль, конечно, что творение Кваренги не дошло до нас в первоначальном виде, но виной тому не бомба, а естественный процесс изменения архитектурных вкусов. Впрочем, то, что не сделала вражеская бомба, могут сделать наши равнодушие и бесхозяйственность. Ведь давно известно, что всякий дом хозяином держится.

За казенным фасадом (Дом № 12 по Дворцовой набережной)

9 сентября 1941 года, во время одного из первых вражеских налетов на наш город, фашистская бомба полностью уничтожила лицевой флигель некогда богатого особняка на Дворцовой набережной (дом № 14). В числе роковых последствий этого взрыва оказалась «потеря лица» двумя его соседями – слева и справа; после войны разрушенный дом заново отстроили, но, очевидно, в целях экономии подвели все три здания – № 12, 14 и 16 (см. фото на с. 24) – под единый казенный фасад, характерный для эпохи борьбы с индивидуализмом. Впрочем, внутри все три дома так и остались разделенными, сохранив к тому же свои фасады, выходящие на Миллионную.

Несмотря на неоднократные переделки, наружный облик дома № 13 (по набережной – № 12) за истекшие со времени его постройки более двух с половиной сотен лет не так уж сильно изменился. Основа здания осталась прежней: те же три этажа (только окна нижнего, подвального, значительно увеличены), пять окон по фасаду и ворота в центре. Добавлен балкон, и изменилась архитектурная отделка – вот, пожалуй, и все. Разумеется, внутри все полностью перестроено, что неудивительно, если учесть возраст дома.

Фасад дома № 13 по Миллионной улице. Современное фото

Еще в петровские времена камергер Данила Чевкин получил под застройку участок, выходивший на набережную Невы и Миллионную улицу, тогда именовавшуюся просто «большой». К 1730 году уличный флигель полностью отстроили, и часть его уже сдавалась под торговые заведения. Об этом мы узнаем из газетного объявления того времени: «Охотника чинится сим известно, что на сих днях сюда к Иоганну Линдеману, в имеющийся на большой улице покойного Камергера Чевкина дом хорошие, свежие... цитроны привезены, которых каждый по изволению ящиками, сотнями, также и дюжинами по небольшой цене покупать может».

Флигель, выходивший на набережную, умерший к тому времени Чевкин не успел докончить, и он стоял без кровли, вызывая недовольство властей. В таком виде участок перешел по наследству к несовершеннолетним детям Чевкина. Их опекун попытался найти желающих довершить палаты в обмен на право проживать в них в течение определенного срока.

С этой целью он оповестил в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1739 год всех заинтересованных лиц: «В набережной верхней каменной линии, подле двора покойного Генерала Князя Шаховского, не отделаны еще набережные палаты детей умершего Камергера Господина Чевкина, чего ради сим объявляется, ежели кто желает оные палаты отделать и покрыть черепицею, также и на дворе построить... каменные сараи, конюшню и прочее; за то строение

заживать погодно, по чему будет договоренность, то оные охотники могут о том договариваться с Ассессором Камор-конторы господином Нероновым».

Таковым охотником оказался некий «обер-цалмейстер», иными словами – старший казначей Симонов; к нему в 1740-х годах и перешел участок. Надо сказать, что фасад дома на Неву имел довольно курьезный вид: в три (!) неравномерно расположенных окна, с высоким крыльцом с правой стороны, он чем-то напоминал трезиниевские «мазанки» и смотрелся особенно архаично рядом с внушительными палатами генерала А. И. Ушакова, принадлежавшими уже к другой архитектурной эпохе. Таким (или почти таким) он и оставался до середины 1790-х годов, когда очередной владелец участка премьер-майор О. В. Троепольский перестроил его в соответствии с новыми вкусами.

При сравнении картины Б. Патерсена 1793 года, изображающей Дворцовую набережную, с его же раскрашенной гравюрой, сделанной шесть лет спустя, хорошо видны изменения, произошедшие с домом за это время. На картине он почти такой же, как на чертеже 1740-х годов, только исчезло высокое крыльцо да правое нижнее окно увеличено до размеров двери; на гравюре флигель, выходящий на набережную, имеет уже пять окон, а над дверью появляется небольшой балкон. Тогда же, скорее всего, и фасад на Миллионную обрел наружный облик в формах строгого классицизма, близкий к нынешнему.

В середине 1770-х годов дом перешел к библиотекарю Екатерины II, некогда знаменитому «пииту» Василию Петровичу Петрову (1736–1799); его даже величали «вторым Ломоносовым». Сын бедного священника, он провел детство и юность в тяжелой нужде, с трудом поступил в Славяно-греко-латинскую академию, а затем преподавал в ней. В 1762 году Петров создал свое первое произведение – оду, посвященную описанию коронационных торжеств. Ода понравилась императрице, и она пообещала «не забыть» автора. Однако вряд ли Василий Петрович дождался бы исполнения сего туманного обещания, не случись в его жизни несколькими годами ранее встречи и последующей дружбы с Григорием Потемкиным – в ту пору никому не известным студентом Московского университета. Войдя в силу, тот рекомендовал своего друга государыне, и Петрова определили вначале переводчиком при кабинете, а в 1777 году, по возвращении из заграничной командировки, – придворным библиотекарем.

Все эти годы он неустанно пишет оды, послания и лирические стихотворения, принесшие ему славу если не у потомков, то, по крайней мере, у современников. Не обошли его стороной и земные блага: он получил дворянство, богатые поместья, пожизненную пенсию. Многим Василий Петрович обязан покровительству своего могущественного друга, которого он искренне любил и от души им восхищался.

Конечно, большая часть писаний В. П. Петрова безнадежно устарела и по справедливости забыта, но нельзя не согласиться с Державиным, когда он в доказательство несомненного лирического дарования поэта приводит в своих «Записках» строки из его стихов по случаю рождения дочери, обращенные к жене:

О ангел! Страж семьи! Ты вечно для меня
Одна в подсолнечной красавица. Прелестна,
Мать истинная чад, живой источник мне отрад,
Всегда любовница, всегда моя невеста.

Как зеленая трава между булыжниками, пробивается здесь неподдельное чувство.

Выйдя в 1780 году в отставку по причине «болезненных припадков», В. П. Петров переселился в свои имения, но петербургский дом оставил за собой, хотя бывал в нем лишь наездами. Только после смерти Г. А. Потемкина, в 1791 году, оплавав его кончину в написанной по этому поводу элегии, где он, по выражению Державина, «истощил все красоты поэзии и ора-

торского искусства», Василий Петрович решил окончательно расстаться со столицей и продал участок уже упомянутому Осипу Васильевичу Троепольскому.

Перестроив дом, новый владелец поселился в заднем флигеле, а выходявший на набережную стал сдавать в аренду Медико-филантропическому комитету, оказывавшему бесплатную врачебную помощь беднейшим жителям Петербурга, «как в собственной своей квартире, так и в домах, куда они (то есть доктора. – А. И.) потребуются».

В 1811 году бывший дом Троепольского перешел в собственность генерал-адъютанта графа А. П. Ожаровского, пожелавшего, как сказано в архивном документе, «переменить вид дому и выкрасить светло-серой краской». Трудно сказать, в чем именно состояли эти изменения, – первый архитектурный чертеж по данному участку относится уже к 1839 году, но, судя по всему, они были незначительны. Скорее всего, речь шла о каких-то деталях наружной отделки.

А. П. Ожаровский

Адам Петрович Ожаровский (1776–1855), владевший домом более четверти века, заслуживает того, чтобы поговорить о нем подробнее. Он был потомком старинного польского рода, известного уже в XV веке; отец его, великий коронный гетман, в 1794 году принял смерть от варшавских повстанцев за верность русскому престолу. Император Павел пожаловал вдове гетмана и ее детям 1000 душ в Гродненской губернии и обратил свое благосклонное внимание на молодого графа. Это дало юноше возможность поступить на службу в привилегированный Конногвардейский полк.

При Павле служба Ожаровского протекала неровно, – очевидно, уже тогда он начал давать волю своему горячему и беспокойному нраву, за что однажды подвергся наказанию. В приказе указывалась его вина: «Подпоручик Конной гвардии граф Ожаровский за вторичные дерзости и забвение всех должностей исключается из службы с лишением чинов и посажением в крепость».

Впрочем, на другой же день последовало прощение, и строптивец возвратился в полк. После этого случая он поутих и стал вести себя с начальством сдержаннее, что благоприятно отразилось на его карьере. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, Ожаровский в 1802 году дослуживается до полковника, а тремя годами позже под Аустерлицем, проявив незаурядную отвагу, захватывает французское знамя, за что награждается боевым орденом Святого Георгия 4-й степени.

В 1807 году граф подтверждает свою репутацию беззаветного храбреца и удостоивается очередной высокой награды – ордена Святого Георгия 3-й степени; одновременно он получает генеральский чин с назначением в генерал-адъютанты.

Вернувшись в Петербург, Адам Петрович еще раз доказал свое дерзкое бесстрашие – на сей раз на любовном фронте, посягнув на фаворитку императора, знаменитую Марию Антоновну Нарышкину. Легкомысленная красавица не отвергла ухаживаний бравого генерала; их связь стала известна Александру, который, однако, питая слабость к своему адъютанту, закрыл на нее глаза. Рассказывали, что однажды он даже застал любовников на «месте преступления», но и тут позволил коварной изменнице убедить себя, что ничего не было. Этот эпизод не повлиял на отношение императора к Ожаровскому, и последний неизменно сопровождал его во всех дальних путешествиях.

Граф прошел Отечественную войну 1812 года, командуя партизанским отрядом, участвовал в Бородинском сражении и в последующих заграничных походах, был удостоен многих боевых наград. Его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Крайне заносчивый и вспыльчивый, Ожаровский часто вызывал недовольство товарищей по службе, начальства и даже самого государя, прощавшего, однако, все его недостатки и дававшего ему ответственные поручения. Не отличаясь полководческими способностями, граф тем не менее воздействовал на солдат личной храбростью и часто с небольшими силами одерживал победы.

А. П. Ожаровский был женат на Марии Павловне Пален, урожденной Скавронской, та вышла за него, разойдясь с первым мужем. Она приходилась матерью графине Ю. П. Самойловой, увековеченной на картинах Карла Брюллова. В 1833 году граф получил назначение в Варшаву, где ему предстояло занять должность члена Государственного совета Царства Польского.

К 1839 году опустевший дом Ожаровских приобрела супруга гвардии поручика О. А. Рюмина, чей превосходный портрет кисти Ореста Кипренского, принадлежащий к лучшим творениям мастера, находится ныне в Русском музее. Правда, художник написал его в 1826 году, когда Олимпиаде Александровне едва минуло девятнадцать, к моменту же покупки дома она была уже зрелой женщиной, матерью многочисленного семейства.

О. А. Рюмина

О. А. Рюмина, урожденная Бороздина, происходила из почтенного дворянского рода, давшего немало государственных и военных деятелей. Прадед ее, Корнилий Богданович, прославился в Семилетнюю войну, много сделав для развития отечественной артиллерии. Зато муж Олимпиады Александровны, гвардии поручик Иван Рюмин, не мог похвастаться родословной: отец его, Гаврила Васильевич, наживший огромное состояние винными откупам, лишь при Павле получил дворянское достоинство, и ему специальным указом пожаловано было право на покупку деревень с крестьянами. Столь быстрое возвышение весьма типично для нашей российской истории, изобилующей примерами попадания «из грязи да в князи».

Интересные сведения о новоявленном помещике приводит в своих «Записках» А. М. Тургенев: «Я сам знал откупщика Гаврилу Васильевича Рюмина, который благородную свою карьеру начал подносчиком в кабаке села Камбушева... Рюмин в кабаке в драке ударил крестьянина по виску крючком... и крестьянин упал мертвым. Этого убийцу Рюмина я видел статским советником, следовательно, дворянином, в орденах... губернским предводителем дворянства и владельцем того села Камбушева, в котором Гаврилу Васильевича пред кабаком секли плетью за смертоубийство и в котором Гаврила Васильевич Рюмин давал благородному дворянству пиры, балы, а в городе Рязани имел счастье угощать в своем доме... государя императора Александра I».

Впрочем, «рязанский Лукулл», как величали Гаврилу Васильевича лстивые сограждане, прославился и широкой благотворительностью, особенно в 1812 году, когда он пожертвовал около миллиона на военные нужды. Г. В. Рюмин закончил свой земной путь владельцем более 10 тысяч крепостных. Его сыновья, получившие после отца пятнадцатимиллионное наслед-

ство, были приняты в лучшем обществе, а их собственные дети состояли в родстве с самыми знатными фамилиями и могли уже почитать себя аристократами.

Купив дом, Рюмины несколько повысили третий этаж как со стороны набережной, так и со стороны Миллионной; при этом фасад дома № 13 приобрел тот вид, который в основных чертах сохраняет и по сей день. Спустя двадцать лет, в 1859 году, овдовевшая к тому времени О. А. Рюмина, следуя переменчивой моде и, очевидно, желая придать своему жилищу более богатый и внушительный облик, вновь перестраивает его по проекту К. Я. Маевского. На сей раз изменениям подвергся лишь фасад, выходящий на набережную, переделанный в эклектическом стиле; корпус же на Миллионной (хотя проект предусматривал «обогащение» и для него!), судя по старой открытке, остался в прежнем виде.

После смерти Олимпиады Александровны, скончавшейся в 1865 году, дом достался по наследству ее дочери, княгине Н. И. Мещерской, бывшей замужем за флигель-адъютантом Александром Петровичем Мещерским, внуком историка Карамзина и братом пресловутого издателя газеты «Гражданин».

На протяжении последующих пятидесяти лет участком владели представители высшего столичного общества: княгиня М. Н. Васильчикова, граф Н. С. Строганов, светлейший князь И. Н. Салтыков. Каждый из них вносил во внутреннее убранство дома что-то свое, но в целом дом всегда оставался небольшим особняком, отделанным с наружной скромностью, но с внутренним богатством и изяществом.

С 1914 года дом переходит во владение элитарного Нового клуба, председателем которого до своей высылки из Петрограда за участие в убийстве Распутина являлся князь Феликс Юсупов, а его заместителем – светлейший князь Константин Горчаков. Клуб был основан в 1889 году, чтобы составить конкуренцию другому аристократическому собранию – Императорскому яхт-клубу, и среди его учредителей числилось трое великих князей и множество титулованной знати. Вначале он помещался в доме Черткова на той же набережной (№ 22/1), но вскоре переехал в особняк Н. М. Половцовой (№ 14), чей муж, государственный секретарь А. А. Половцов, входил в число учредителей. В 1908 году Новый клуб покупает дом № 14, а еще через несколько лет приобретает и соседний участок.

Устав клуба не отличался новизной и оригинальностью. Он допускал коммерческие карточные игры и бильярд (за особую плату), требуя при этом лишь соблюдения тишины и благопристойности, а главное – своевременной уплаты проигрышей в трехдневный срок, грозя в противном случае изгнанием из членов. Вступительный и членский взносы были высоки – соответственно 400 и 250 рублей ежегодно. Неженатые члены клуба могли нанимать пустующие помещения в принадлежащем ему здании, что представляло немалое удобство.

Клубные повара славились своим искусством, а погреба – изысканными винами. Можно было также пригласить друзей и устроить для них званый ужин в отдельном кабинете, но за каждые лишние полчаса, проведенные в клубе после его закрытия (то есть после двух часов ночи), взимался штраф, возрастающий в определенной прогрессии, начиная с 1 рубля. С половины шестого утра и до момента открытия клуба (10 или 11 часов) те же полчаса стоили уже 200 рублей.

Так незаметно текло время, становясь все дороже и дороже, пока, наконец, вовсе не иссякло, – и не купить его было уже нельзя ни за какие деньги. Пришел день, когда Новый клуб закрылся навсегда.

Особняк-невидимка (Дом № 16 по Дворцовой набережной)

Гуляя по Дворцовой набережной, вы наверняка много раз проходили мимо здания, изображенного на фото, даже не подозревая о его существовании. Это и понятно: особняка в том виде, как он представлен, уже давно не существует. Точнее, он скрыт за длинным фасадом дома № 12–16, сооруженного после войны в стиле так называемого «сталинского ампира». В результате три старинных здания, среднее из которых подверглось разрушению во время бомбардировки, были слиты в одно, к сожалению не украсившее собою невские берега.

Дом № 12–16 по Дворцовой набережной. Современное фото

Чтобы выделить интересующий нас особняк, отсчитайте девять окон от правого края этого сооружения и мысленно удалите четвертый, надстроенный этаж. Можно сказать, что перестройка в большей степени пощадила дом № 16, сохранивший рисунок оконных проемов и вертикальные членения. Но самое главное – уцелели его интерьеры!

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Фото 1914 г.

Войдите в парадное, поднимитесь по широкой двухмаршевой лестнице с ажурными металлическими перилами, и вас охватит атмосфера старинного петербургского особняка, хотя и утратившего изрядную долю бывшего великолепия.

Как жаль, что вот так, одним махом, вместо того чтобы восстановить одно, уничтожили еще два превосходных здания, обезличив их скучным фасадом. Учитывая важную роль дома № 14 в перспективе Дворцовой набережной, его конечно же следовало восстановить в прежнем виде, как восстанавливали сотни других зданий, занимавших куда более скромное место в архитектурных ансамблях города.

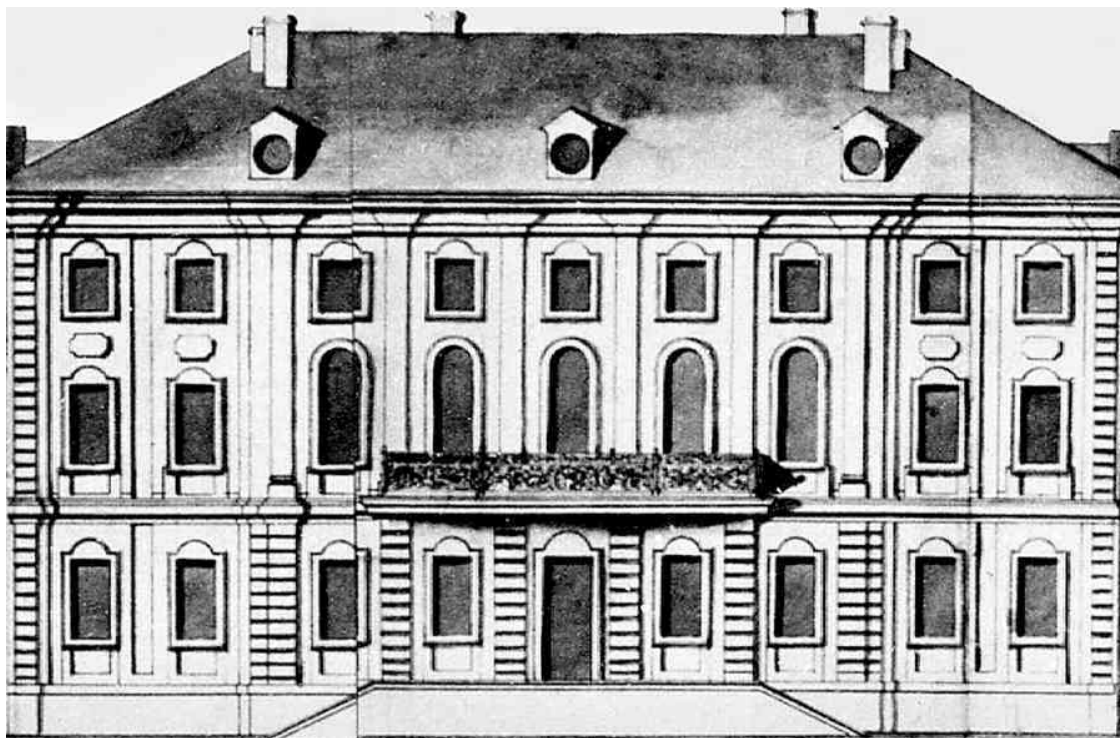
Во флигеле, выходящем на Миллионную улицу (дом № 17), под слоем эклектического грима также можно обнаружить первоначальные черты: характерный ритм окон, горизонтальную тягу над воротами, да и сами ворота остались на том же месте, где находились всегда.

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Парадная лестница. Фото 1914 г.

Как выглядели описанные здания два с половиной века назад, можно видеть на чертежах из бесценной коллекции Берхгольца, хранящейся в Стокгольме.

Постройка дома (два его флигеля составляют одно целое) относится к началу 1730-х годов. В это время императрица Анна Иоанновна возвратила Петербургу значение столичного города, переехав сюда из Москвы со всем двором. Вновь оживилось заглохшее было строительство; для его ускорения императрица издает ряд грозных указов, после чего набережные Невы начинают пополняться новыми каменными домами. К 1732 году на «верхней набережной» (ныне Дворцовая) выросли большие трехэтажные палаты начальника Тайной розыскной канцелярии генерала Андрея Ивановича Ушакова. С тех пор оба флигеля неоднократно перестраивались.

Дом А. И. Ушакова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

В конце 1750-х годов архитектор А. Ф. Кокоринов перестроил бывший дом Ушакова для его зятя, графа П. Г. Чернышева (1712–1778), отделав внутри с пышным великолепием. В 1780–1790-х годах здание обрело классицистические черты. В 1846 году оно вновь перестроено по проекту Н. Е. Ефимова в стиле модного тогда итальянского Возрождения; в 1904 году архитектор Н. Т. Стуколкин немного изменил фасад, утяжелив его формами перезрелой эклектики. Этот вид, в общих чертах, дом сохранял до момента последней перестройки в послевоенные годы. Флигель же на Миллионной приобрел свой нынешний облик в 1899 году, после надстройки четвертого этажа с одновременной переделкой фасада по проекту гражданского инженера Ф. М. Вержбицкого.

П. Г. Чернышев

А теперь поговорим о людях, которые здесь жили. Итак, Андрей Иванович Ушаков – первый владелец дома. О значении, каковое приобрел сей государственный муж с первых же лет правления Анны Иоанновны, свидетельствует уже тот факт, что государыня ежегодно посещала устраиваемые им празднества по случаю дней его рождения. Об одном из них «Санкт-Петербургские ведомости» от 23 августа 1733 года сообщали следующее: «В прошедшее воскресенье в полдень изволили Ее Императорское Величество с высокою своею фамилиею на учиненном от его превосходительства Генерала Ушакова ради его дня рождения преславном банкете... присутствовать. Во время обеда... из поставленных по сторону его на Неве построенных палат пушек при питии за здоровье многократно палили, а после оногo от гренадерской роты к увеселению Ее Императорского Величества гранаты бросаны были, которые, понеже оне в воде разорваться принуждены были, зело изрядное действие чинили».

А. И. Ушаков

Вероятно, нет надобности подробно останавливаться на личности А. И. Ушакова. Благодаря роману В. Пикуля «Слово и дело» она достаточно известна. Но интересно отметить, что жестокий и беспощадный «пыточных дел мастер» был нежным, любящим отцом. Свою единственную дочь Екатерину он выдал замуж за крестника Петра I, графа Петра Григорьевича Чернышева, сделавшего благодаря тестю блестящую карьеру. Чернышев был человеком умным и небесталанным, но, отличаясь невероятной спесью, тщеславием и высокомерием, не заслужил ничьей любви. Вдобавок он прославился неимоверной скупостью; так, например, своим дочерям он выдавал карманные деньги медными монетами, что в его кругу почиталось весьма неприличным...

Знал, разумеется, о чрезмерной бережливости графа и его родственник, будущий фельд-маршал С. Ф. Апраксин, пасынок Ушакова. По этой причине, сообщая в 1747 году Чернышеву о тяжелой болезни его тестя, в конце письма он не забывает приписать: «... извольте быть без всякого сомнения: что есть в доме вашем, то все будет в целости, так хотя бы вы сами при том были».

В том же году Ушаков умирает, и дом переходит по наследству к его дочери Екатерине Андреевне, матери двух знаменитых женщин своего времени: графини Дарьи Петровны Салтыковой и княгини Натальи Петровны Голицыной («Пиковой дамы»). Благодаря Пушкину интерес к последней не иссякает доныне, и она конечно же этого заслуживает, являясь одной

из самых ярких фигур светского общества на протяжении многих десятилетий. Но и старшая ее сестра, Дарья Петровна, также достойна внимания. После смерти матери в 1779 году особняк достался ей. Правда, Салтыковы большей частью проживали в другом своем доме, принадлежавшем мужу и находившемся на Галерной (ныне Английской) набережной, сдавая дом жены внаем.

Время от времени «Санкт-Петербургские ведомости» публиковали объявления вроде нижеследующего: «В большой Миллионной и на набережную дом Его Сиятельства супруги г. Генерал-Аншефа и Кавалера, Графа Ивана Петровича Салтыкова Графини Дарьи Петровны под № 15 отдается в наем Генваря с 1 числа будущего 1781 года, в коем бельэтаж довольно снабжен хорошими мебелями, а протчих покоев и всяких служб и погребов для большого дому весьма достаточно; желающие нанять его, о цене осведомиться могут в галерной набережной в доме ж Его Сиятельства...»

В собрании Эрмитажа имеются великолепные миниатюрные портреты супругов Салтыковых работы художника А. Ритта, дающие представление о характере каждого из них.

Д. П. Салтыкова

Графиня Дарья Петровна Салтыкова (1739–1802) провела, как и сестра, детские годы в Англии, где их отец служил посланником, и получила там прекрасное образование. По словам современника, она соединяла в себе «всю важность русских боярынь допетровского времени с утонченной вежливостью придворных дам версальского двора». Будучи женщиной самых

строгих правил и стоя неизмеримо выше мужа по уму и нравственным качествам, графиня снисходительно, с оттенком презрения относилась к его бесчисленным любовным похождениям, никогда не унижаясь до ревности. Муж платил ей уважением и глубокой привязанностью, а после ее смерти остался безутешен. Высокого роста, представительная, Дарья Петровна напоминала своей величественной наружностью Екатерину II.

И. П. Салтыков

О муже ее, генерал-аншефе, а затем фельдмаршале Иване Петровиче Салтыкове (1730–1805), можно сказать лишь то, что он обладал мягким, добродушным характером и был чрезвычайно прост и доступен в обращении. Не одаренный большим умом, он, однако, отличался сметливостью и даже хитростью, любил женщин и кутежи, а паче всего – охоту, ей посвящал все свободное время, имея до сотни собственных псарей.

После смерти стариков Салтыковых дом на Дворцовой набережной наследовала их младшая дочь Анна¹, но ввиду ее постоянного пребывания по болезни за границей фактически им распоряжалась ее старшая сестра Прасковья, использовавшая его для своих целей.

¹ В Адресной книге С.-Петербурга, изданной в 1822 году С. Аллером, владелицей дома по ошибке названа графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.

П. И. Мятлева

Прасковья Ивановна Мятлева (1772–1859), мать известного поэта-юмориста Ивана («Ишки») Мятлева, друга Пушкина, также была женщиной незаурядной. Воспитанная матерью в духе полученного ею самой заграничного образования, она, как утверждают, представляла собой «совершенство неподражаемого тона». Обладая большим сценическим талантом, Прасковья Ивановна принимала участие в придворных спектаклях, и ее страсть к театральным представлениям с годами не уменьшалась. В одной из длинных зал салтыковского дома на Дворцовой набережной устроили сцену, где в зимнюю пору игрались французские пьесы.

Г. В. Орлов

В 1825 году в доме поселился возвратившийся из-за границы овдовевший супруг Анны Ивановны, граф Григорий Владимирович Орлов (1777–1826), племянник покойного фаворита Екатерины II, названный Григорием в его честь. Это был человек чудаковатый, завзятый меломан, большой поклонник искусства, в особенности итальянского. Современник так описывает его внешность: «Граф был беловолос, как чухонец, бледного лица, глаза оловянные, высокого роста, сухощавый, и длинное его туловище огибал бледно-оранжевого цвета бархатный, блестящими покрытый, французского покроя кафтан, исподнее – того же цвета и также покрыто блестящими». Описание относится к началу 1797 года, то есть к царствованию Павла. Император не жаловал таких щеголей. Отношения их, как и следовало ожидать, не сложились, и Орлов должен был оставить службу. Через два года он женился на Анне Ивановне Салтыковой, чья болезнь вынудила их уехать для лечения за границу, откуда граф вернулся уже один. Жить ему оставалось полтора года.

В парижском доме Орловых собирались ученые и писатели; однажды хозяйка подала мысль о желательности нового перевода басен Крылова на французский язык, и почти все выдающиеся литераторы изъявили готовность участвовать в этом деле. Супруги Орловы приложили немало стараний к тому, чтобы внести во французскую речь как можно больше русского духа. Наконец лучшие 89 басен Крылова, украшенные великолепными гравюрами, Г. В. Орлов роскошно издал на русском языке вместе с французскими и итальянскими переводами, над которыми трудились более восьмидесяти писателей. Этим изданием граф внес свой вклад в популяризацию русской литературы за границей.

Умер он внезапно, потеряв сознание и упав с лестницы по дороге в Сенат.

Поскольку дом Орловых был заложен графу А. И. Апраксину, то в 1829 году, по истечении срока платежа, он перешел к новому владельцу. Об Александре Ивановиче Апраксине можно сказать немного. Принадлежал он к известному роду, издавна владевшему земельными участками в районе нынешнего Апраксина двора. Ему, в частности, принадлежала позднее застроенная так называемая Апраксина площадь на углу одноименного переулочка и набережной Фонтанки.

С. А. Радзивилл

Новый хозяин не жил в доме на Дворцовой набережной, сдавая его внаем, а в 1846 году продал участок князю и княгине Радзивиллам. Софья Александровна Радзивилл, урожденная княжна Урусова (1806–1889), владела особняком более сорока лет, поэтому стоит рассказать о ней подробнее.

Среди приписываемых Пушкину стихотворений есть такое:

Не веровал я Троице доньше:
Мне Бог тройной казался все мудрен,
Но вижу вас – и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

По преданию, поэт посвятил этот мадригал юной Софье, самой красивой из трех сестер Урусовых, в чьем доме в Москве он часто бывал весной 1827 года. Издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский рассказывает по этому поводу: «Прекрасная среда, его окружавшая, красота и любезность молодых хозяек действовали на нашего поэта возбuditельно, и он, проводя почти каждый вечер у князя Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив». Увлечение Софьей едва не привело Пушкина к дуэли с артиллерийским офицером В. Л. Соломирским, приревновавшим поэта, коему княжна оказывала явное предпочтение. Впрочем, друзья уладили их ссору, и все окончилось миром и распитием шампанского...

На коронационных торжествах, состоявшихся в том же году, новый царь, Николай I, обратил внимание на Софью, и она получила фрейлинский шифр².

Внимание монарха к юной красавице зашло гораздо дальше, чем следовало. Один из французских историков николаевского времени так писал об этом: «Император не заслуживает никакого упрека (в супружеской измене. – А. И.), если не считать нескольких нежных изъяснений, тайно сделанных одной княжне, прославившейся своей красотой... Княжна Урусова, ныне княгиня Радзивилл, бесспорно представляла собой законченный тип русской красавицы. Нельзя было встретить цвет лица чище и свежее. Ее волосы спадали мягкими и обильными волнами на округленные плечи – со всей роскошью античного контура. Особенно хороши были ее глаза – большие, голубые, полные света и неги, глаза, излучавшие вокруг какую-то магнетическую силу».

Этому описанию вполне соответствует портрет княгини Радзивилл работы Л. Фишера с оригинала Ф. К. Винтергальтера.

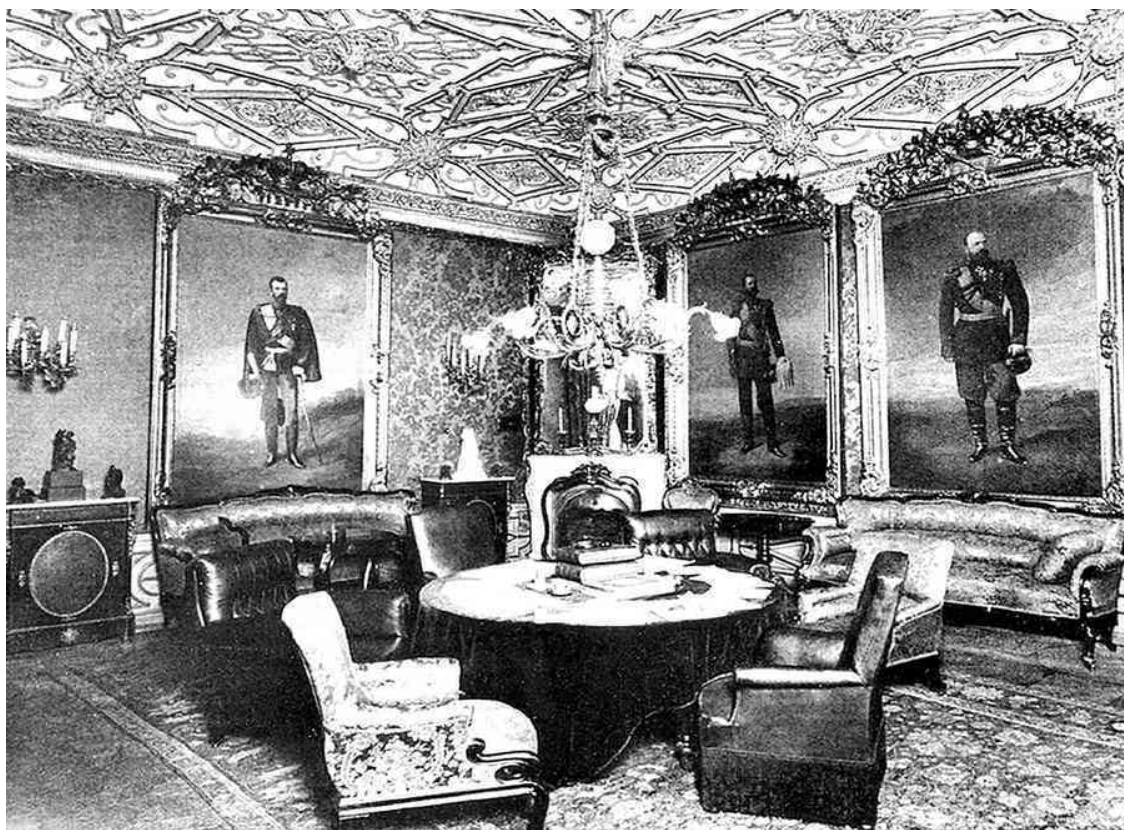
28 января 1833 года княжна Урусова вышла замуж за флигель-адъютанта, впоследствии свитского генерала, князя Леона Людвиг Радзивилла. На обстоятельства, при которых свершился этот брак, бросает кое-какой свет или, вернее, тень двусмысленный намек П. А. Вяземского в письме Жуковскому, написанном на другой день после свадьбы: «Урусова вчера обратилась в княгиню Радзивилл, по крайней мере, духовно: о дальнейшем преображении не ведаю. Да едва ли! Он был очень болен и не совсем еще оправился, а женился потому, что последние дни настали».

Со времени замужества имя Софьи Радзивилл перестало служить предметом для светского злословия, и «фавор» ее кончился. Она на несколько лет пережила мужа и скончалась в глубокой старости 17 июля 1889 года в Париже, где и похоронена.

Наследники продали особняк Английскому собранию, оно оставалось здесь около тридцати лет, до самой революции, сменив перед этим несколько адресов. Основано же собрание еще в 1770 году. Первоначально членами его являлись иностранцы, преимущественно немецкие и английские купцы, но уже через несколько лет Английский клуб превратился в элитарное, закрытое сообщество, и принадлежать к нему считалось очень почетным.

Жизнь клуба изобиловала множеством традиций. В стенах его никогда не бывало женщин, вход посторонним строго воспрещался. Члены клуба имели раз и навсегда определенные места за обеденными столами; нередко случалось так, что двое членов, пришедших пообедать, сидели спинами друг к другу, в разных концах столовой, не разговаривая, но зато на своих местах...

² Бриллиантовый вензель императрицы на голубом банте, получаемый при назначении на эту придворную должность; носился на левом плече.

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Английское собрание. Портретная. Фото начала XX в.

Английское собрание. Садик. Фото начала XX в.

Английское собрание всегда славилось изысканной кухней. В предреволюционные годы шеф-поваром там служил знаменитый Демьян, получавший десятитысячное жалованье и всегда готовивший сам.

В портретной гостиной на стенах висели изображения всех государей, в чье царствование собрание уже существовало, кроме императора Павла, не признававшего его, как и любые публичные собрания.

Благодаря стараниям одного из старшин клуба, страстного любителя цветов, внутренний дворик превращался летом в красивый садик. Все это можно видеть на публикуемых фотоснимках, дающих некоторое представление об интерьерах здания, ставшего ныне особняком-невидимкой.

Пенаты графа Соллогуба (Дом № 20/2 по Дворцовой набережной)

«На углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка находится поныне небольшой дом, примыкающий к дворцу великого князя Михаила Николаевича. Я не могу до сих пор проехать мимо этого дома без сердечного содрогания. Мне все кажется, что он мне улыбается и подмигивает, как будто упрекает, что я ему не кланяюсь, и шепчет: «А ведь, кажется, родня, кажется, дружно жили! Только ты устарел и разрушился... а вот я еще все стою молодцом, и ничего мне не делается».

Дом № 20/2 по Дворцовой набережной. Современное фото

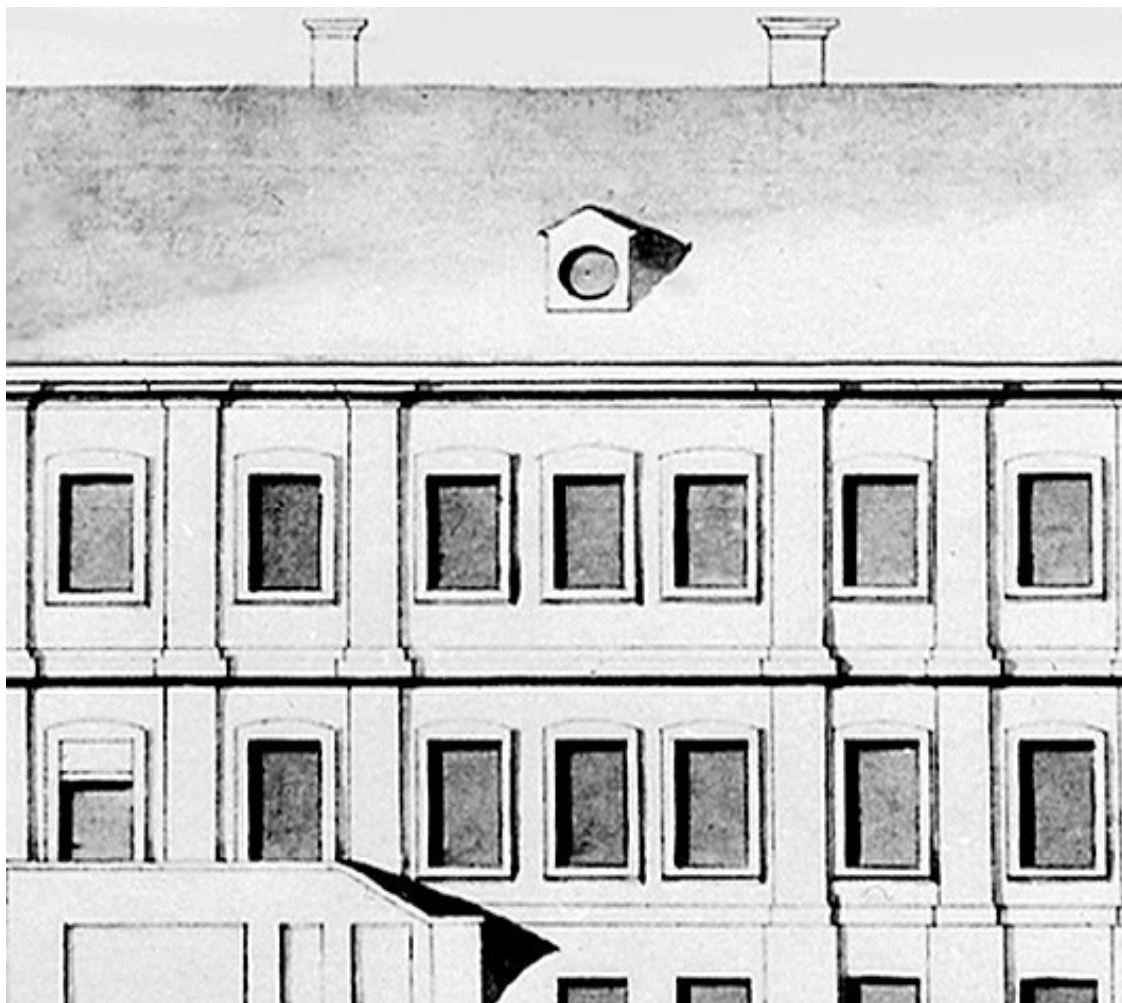
Эти строки из воспоминаний В. А. Соллогуба относятся к дому № 20/2, где прошло его детство. Многих людей видел дом на своем веку, но лишь один посвятил ему такие теплые слова. Может быть, потому, что он – писатель, а может, потому, что детские воспоминания – они навсегда. Будем же называть дом именем Соллогуба, хотя его семья владела им сравнительно недолго – каких-нибудь десять лет. Это покажется еще меньше, если учесть, что дому перевалило за 250, и он принадлежит к старейшим в Петербурге.

В. А. Соллогуб

Есть у дома примечательная особенность – он единственный среди жилых домов на Дворцовой набережной в значительной степени сохранил первоначальный вид. Правда, исчезли пилястры, некогда украшавшие его фасад, и небольшое крылечко с левой стороны, а вместо этого появился балкон. Незначительные переделки фасада, осуществленные в 1857 году архитектором Х. И. Грейфаном, не слишком отразились на внешнем облике здания, не нарушив его силуэта.

Как выглядело оно в середине XVIII столетия, можно видеть на снимке с чертежа из коллекции Берхгольца. В ту пору дом принадлежал своему первому владельцу вице-адмиралу (позднее адмиралу) Захару Даниловичу Мишукову (1684–1762), он его и построил в 1730-х годах.

Дом З. Д. Мишукова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Начав службу четырнадцатилетним мальчиком, когда царь Петр еще только приступал к созданию русского флота, он участвовал во многих сражениях, в том числе при Гангуте, испытав все превратности военной службы, побывав и в шведском плену, и под русским судом. Судили его не за уголовное, а за воинское преступление – неудачные действия при бомбардировке Кольберга в 1760 году, во время Семилетней войны, и этот печальный эпизод завершил его службу.

В следующем году он продал оба своих дома (кроме того, что на Неве, у него имелась еще усадьба на Мойке, где позднее открылся знаменитый Демутов трактир) и вскоре умер среди тревог и волнений. Был он истинным «птенцом гнезда Петрова», всей душой преданным делу, но отличался излишним простодушием, о чем свидетельствует случай, рассказанный историком князем М. М. Щербатовым. Приведу его словами подлинника: «Захар Данилович Мишуков... любимый государем (Петром I. – А. И.) яко первый русский, в котором он довольно знания в мореплавании нашел... быв на едином пиршестве с государем в Кронштадте и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, и вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мишуков отвечивал, что он... примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабеваает, не мог от слез удержаться, прилагая при том простой речью: «На кого ты нас оставишь?» Ответствовал государь: «У меня есть наследник» – разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мишуков спьяна и неосторожно сказал: «Ох! Ведь он глуп, все расстроит». При государе сказать так о его наследнике,

и сие не тайно, но пред множеством сидящих! Что ж сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением (то есть прибавив при этом. – А. И.): «Дурак, сего в беседе не говорят».

Остается добавить, что разговор этот состоялся в 1718 году, незадолго до гибели злополучного царевича, а простодушный ответ Захара Даниловича лишь подтверждал тайные мысли самого царя, чем и объясняется столь мягкое наказание за неосторожные слова.

Но вернемся к дому. Итак, в 1761 году его купил богатый петербургский купец Петр Терентьевич Резвый. О нем сохранились два предания: первое касается происхождения его богатства, а второе – не совсем обычной фамилии. Будто бы в молодости, плывая шкипером на голландском корабле, он вошел в сговор со своим земляком, осташковским мещанином Саввой Яковлевым, тоже шкипером, и на обратном пути из Бразилии сообщники присвоили несколько неучтенных бочонков с золотом, принадлежавших умершему хозяину судна. С тех пор дела обоих круто пошли в гору.

Д. П. Резвый

Что до фамилии неожиданно разбогатевшего шкипера, то, согласно семейной легенде, первоначально он звался Петром Балкашиным, но затем императрица Елизавета Петровна нарекла его Резвым якобы за непревзойденное умение плясать трепака. Занявшись рыбной торговлей, удачливый купец приобрел в устье Невы два острова, из которых сохранился лишь один – Малый Резвый.

Вскоре после покупки дома у Петра Терентьевича родился сын Дмитрий – будущий герой Отечественной войны 1812 года, чей портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Вся его тридцатилетняя служба прошла в битвах и сражениях. Начав ее с русско-турецкой войны 1787–1791 годов под командованием Суворова, он по болезни вышел в отставку в 1815-м в чине генерал-майора.

По отзывам современников, Дмитрий Петрович Резвый был человеком на редкость образованным и просвещенным, одаренным разнообразными способностями. Ему принадлежит самая активная роль в преобразовании нашей полевой артиллерии в период подготовки России к войне с Наполеоном. В бою при Прейсиш-Эйлау он впервые применил нанесение массированного артиллерийского удара, и этот тактический прием во многом способствовал успеху русской армии.

Относительно слабое его продвижение по службе объяснялось ненавистью, питаемой к нему Аракчеевым. О причинах ее рассказывают следующее. Однажды у Дмитрия Петровича собралось несколько офицеров-сослуживцев. Говорили о том, что Аракчеев недавно сказал кому-то из артиллерийских офицеров: «Уйди ты в отставку – да я тебе пенсию в тысячу рублей назначу!» На это хозяин будто бы воскликнул: «Тысячу! Да я ему самому дам три тысячи от себя, только бы ушел». Слова эти, как водится, дошли до Аракчеева, и в результате Резвого постоянно обходили по службе, и даже при отставке, прослужив пятнадцать лет в чине генерал-майора, он так и не получил генерал-лейтенанта.

Х. А. Ливен

После смерти отца Д. П. Резвый унаследовал дом на Дворцовой набережной, но спустя несколько лет, в 1801 году, продал его генерал-адъютанту графу Христофору Андреевичу Ливену, любимцу императора Павла, в двадцать два года ставшему фактически военным министром. При Александре I Х. А. Ливен вступил на дипломатическое поприще, где, впрочем, его решительно затмила супруга Дарья Христофоровна, урожденная Бенкендорф, сестра николаевского шефа жандармов.

По словам Вигеля, фактически она исполняла при муже должность посла и советника и даже сама сочиняла депеши. Необычайно вежливая и благовоспитанная, графиня не выносила скуки и посредственных людей, сумев создать в Лондоне, а затем в Париже, салоны, где собирались дипломатические знаменитости и выдающиеся государственные деятели. Сам государь Александр I оказывал ей внимание, беседовал о европейской политике и снабжал устными инструкциями. В 1818-м и 1822 годах она была приглашена царем присутствовать на Аахенском и Веронском конгрессах, что уже следует признать не совсем обычным.

Д. Х. Ливен

Но все это случится в будущем, а в момент приобретения Ливеном дома его юной жене едва исполнилось шестнадцать лет; она отличалась веселым нравом и любила, по собственному ее выражению, «всякую новизну». Даже недавние роковые события 11 марта 1801 года

(убийство Павла) графиня рассматривала лишь с точки зрения разнообразия, внесенного ими в повседневную рутину городской жизни.

Дипломатическая карьера означала многолетнее пребывание за границей, петербургский дом оказался не нужен, и около 1817 года строение продали графу Александру Ивановичу Соллогубу. Вспоминая об отце, его сын пишет, что «он с молодых лет славился необыкновенным, образцовым щегольством... пел приятно в салонах и так превосходно танцевал мазурку, что зрители сбегались им любоваться». А по свидетельству Е. П. Яньковой, «граф был приятной наружности и самый приветливый и ласковый человек, каких я видела».

А. И. Соллогуб

Купив дом, Александр Иванович отделал его как игрушку. Нижний этаж занимал он сам, а в верхнем помещались его жена и дети. Здесь 7 ноября 1824 года семья пережила наводнение. Вот как описывает его В. А. Соллогуб: «К утру в доме началась беготня. Все подвалы были уже залиты. На дворе выступала вода. Мы наскоро оделись и побежали в приемные, выходившие окнами на набережную. Ничего страшнее я никогда не видывал. Это был какой-то серый хаос, за которым туманно очерчивалась крепость... Нельзя было различить, где была река, где было небо... И вдруг в глазах наших набережная исчезла. От крепости до нашего дома забурило, заклокотало одно сплошное, судорожное море и хлынуло потоком в переулок... Вода брызгала уже в уровень нижнего этажа, где, на отцовской половине, находилось много драгоценностей, особенно картин... Но четыре часа пробило. Сутки прошли. Вода стала медленно убывать».

К 1827 году финансовые обстоятельства вынудили А. И. Соллогуба продать дом своему двоюродному брату Кириллу Александровичу Нарышкину, «вельможе большой руки, наружности барской, по уму и остроумию замечательному, но вспыльчивому до крайности». Нарышкин был женат на княжне Марии Яковлевне Лобановой-Ростовской, которой некогда был увлечен будущий декабрист князь Сергей Григорьевич Волконский.

К. А. Нарышкин и М. Я. Нарышкина

В молодости она, по его словам, имела такое хорошенькое личико, что ее называли «головкой Гвидо» (то есть в духе итальянского художника XVII века Гвидо Рени. – А. И.). Приревновав княжну к более счастливому сопернику, Кириллу Александровичу Нарышкину, Волконский нашел повод придраться к нему без всякой причины и вызвал на дуэль. Но, как пишет он в своих воспоминаниях, «мой антагонист мне поклялся, что не ищет руки моей дульцинеи, и год спустя на ней женился». В 1827 году Карл Брюллов на превосходном акварельном портрете запечатлел супругов Нарышкиных во время конной прогулки в окрестностях Рима.

Плодом их брака стала замечательная женщина своего времени Александра Кирилловна Нарышкина, вышедшая в 1834 году замуж за графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. «Много случалось встречать мне на моем веку женщин гораздо более красивых, может быть, даже более умных... но никогда не встретил я ни в одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью», – отзывался о ней В. А. Соллогуб.

А. А. Орлова-Чесменская

После смерти Кирилла Александровича домом несколько лет владел сын, Лев Кириллович, а в 1845 году он продал его графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской, дочери одного из главных сподвижников Екатерины II в начальный период ее царствования. Коренная москвичка, графиня бывала в Петербурге лишь наездами и не жила здесь подолгу. Единственная дочь и наследница огромного состояния, Анна Алексеевна при жизни отца вела не совсем обычный для сверстниц ее круга образ жизни: до упаду танцевала на балах, особенно отличаясь в русских плясках, а в манеже графа изумляла зрителей, «выдергивая на всем скаку ввернутые в стены кольца, а также срубая картонные головы с надетыми на них чалмами и рыцарскими шлемами».

Однако через несколько лет после смерти отца Анна Алексеевна с жаром предалась делам религии и благотворительности, избрав духовным наставником известного фанатика, архимандрита Фотия. Впоследствии она пожертвовала большую часть своих богатств Юрьевскому монастырю, находившемуся под его началом.

Отказав многочисленным претендентам на ее руку и состояние, графиня поселилась возле монастыря и вела строгий и замкнутый образ жизни. Впрочем, приезжая в Петербург, она являлась в большом свете, принимая в своей гостиной избранное общество. По замечанию ее биографа, светские знакомые Орловой и не подозревали, что она проводит изрядную часть времени в молитве и благочестивых трудах.

Анна Алексеевна владела домом недолго. После ее кончины в 1848 году он был куплен богатым петербургским чиновником Владимиром Григорьевичем Алексеевым, ему принадле-

жал также большой доходный дом на углу Невского и Литейного проспектов. Об этом человеке можно сказать только одно: «Он был титулярный советник...»

В 1880-х годах его наследники продали особняк на набережной, и кому бы вы думали? Опять Нарышкину, и опять двоюродному брату Кирилла Александровича, но на сей раз – Эммануилу Дмитриевичу. Довольно странное, прежде не встречавшееся в роду Нарышкиных имя, означающее в переводе «божественный», дано было по желанию Александра I, фактического отца мальчика. Родился он в результате нашумевшего в свое время романа императора с красавицей полькой Марией Антоновной, супругой обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина. Эммануил Дмитриевич, с которым мы еще не раз встретимся в дальнейшем, прославил свое имя крупными пожертвованиями в пользу народного просвещения.

После мужа, умершего в 1902 году, домом до самой Октябрьской революции владела его жена Александра Николаевна, сестра ученого-юриста, историка и философа Бориса Николаевича Чичерина. Она была хорошо известна петербургскому обществу под именем «тетя Саша»; невоздержанная на язык, резкая в обращении даже с самыми высокопоставленными особами, она нажила себе немало врагов. Александра Николаевна приходилась родственницей большевистскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что, однако, не спасло ее от трагической кончины в 1918 году.

Революционные события застали «тетю Сашу» в тамбовском имении, когда ей было уже за восемьдесят. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях князь С. М. Волконский: «Старуха Нарышкина, бывшая статс-дама, богатая основательница Нарышкинского общежития в Тамбове, давно мозолила глаза (местной ЧК. – А. И.). Она была родная тетка Чичерина, знаменитого наркоминдела... Высокое родство... не спасло: или Чичерин не пожелал вступить, или, как неоднократно объявлялось, «приказ опоздал». Ее подняли на телегу, повезли. Она была мужественна, но по дороге у нее сделался разрыв сердца...»

Таков конец последней владелицы дома, со смертью которой завершилась его старая история и началась новая. Некоторое время назад она чуть было не закончилась гибелью старинного здания: его объявили ветхим и предназначили к сносу. Понадобились усилия людей не равнодушных, чтобы спасти дом от разрушения. Отрадно сознавать, что есть беззаветные энтузиасты, но горько думать, что другие, хладнокровные люди, не моргнув глазом, готовы подписать смертный приговор любому зданию, даже не попытавшись его спасти, только на том основании, что оно старо и отслужило свой век. Хочется сказать подобным людям: старость – это не только недостаток, но и крупное достоинство. Надо не убивать стариков, а лечить их, иначе мы никогда не дорастем до понятия «цивилизация».

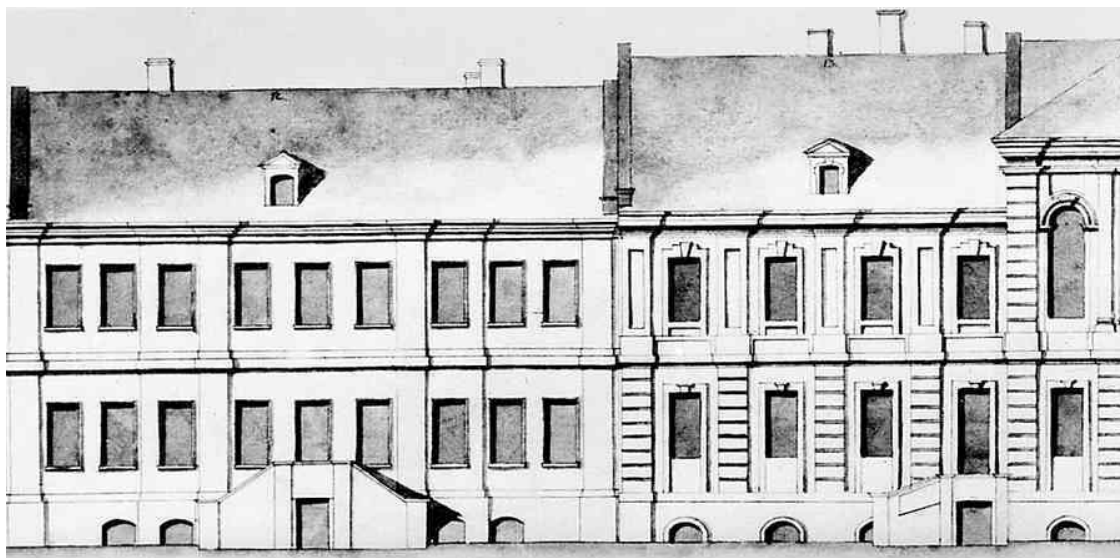
«Стоящий на Неву реку...» (Дом № 22/1 по Дворцовой набережной)

На другом углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной, напротив дома Соллогуба, стоит двухэтажное здание с небольшим балконом и аттиком. С 1877 года им владели Чертковы: вначале отец – Григорий Александрович, а затем его сыновья, Григорий и Александр. По заказу Григория Александровича архитектор Р. А. Гедике в 1877–1878 годах взамен двух небольших домов в четыре и девять окон по фасаду, давно слившихся внутри в один, возвел ныне существующее здание. Оно выдержано в том умеренном и экономном стиле, который принято называть «стилем Людовика XVI», то есть раннего французского классицизма.

Дом № 20/1 по Дворцовой набережной. Современное фото

Дом Мурзина и Пальчикова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Среди архитектурных чертежей в коллекции Берхгольца есть лист с изображением палат корабельного мастера Пальчикова и полковника Мурзина – первых владельцев этих зданий. Мурзину принадлежал угловой участок, выходивший на Миллионную улицу и в Мошков переулок (впоследствии его разделили надвое, и объединен он вновь только после приобретения обеих частей Чертковым).

Судя по всему, Мурзин так и не достроил свои палаты на набережной. На это указывает объявление в апрельском номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1752 год: «Бывшего флота Капитана Командора Прокофья Мурзина жены его вдовы Натальи Петровой каменный дом на Адмиралтейской стороне в Миллионной набережной в Мошковом переулке желающим купить или взять из выстройки на урочные годы, явиться... в доме Языкова».

Из объявления, во-первых, следует, что вдова не жила в своем доме, а во-вторых, что она предлагала, в качестве одного из вариантов, сдать его в аренду с обязательством достроить.

В 1753 году нашелся покупатель в лице архитектора Мартина Людвига (Мартына Павловича) Гофмана. Этот «каменных дел мастер», как именует его Якоб Штелин, возвел ряд зданий в Ораниенбауме, а из его петербургских построек до нас дошла, хотя и в измененном виде, бывшая немецкая школа (Петершуле) при лютеранской церкви Святых Петра и Павла на Невском проспекте.

Гофман владел участком до 1790 года, после чего он перешел к его дочери, а потом к некогда знаменитому французскому танцовщику Пику. Особенно прославился он как автор и исполнитель прелестного балета, в котором 28 апреля 1791 года танцевал сольную партию на балу в Таврическом дворце, данном светлейшим князем Потемкиным в честь императрицы.

А. П. Тормасов

С 1802-го по 1808 год дом принадлежал будущему герою Отечественной войны генералу от кавалерии А. П. Тормасову, умудрившемуся потерять купчую крепость на свое владение и вынужденному разыскивать ее через газету. Надо полагать, в конце концов пропажа нашлась, и в 1809 году домом уже владел гофмаршал Степан Сергеевич Ланской, а после его смерти, в течение почти тридцати лет, – его вдова, Мария Васильевна.

В 1820–1830-х годах здесь жил князь Владимир Федорович Одоевский, женатый на дочери Ланского, Ольге Степановне. В небольшом флигеле в Мошковом переулке, где помещались супруги Одоевские, по субботам собирались многие известные люди того времени.

Обратимся теперь ко второму дому на рассматриваемом нами участке – я имею в виду дом корабельного мастера Пальчикова, где, кстати сказать, содержался до перевода в крепость возвращенный из-за границы царевич Алексей Петрович.

О смерти владельца и продаже дома мы узнаем из «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1746 год: «Стоящий на Неву реку и в Немецкую улицу у Мошкова переулка бывшего Штатского Советника Филипа Пальчикова дом продан быть имеет». Это объявление интересно еще и тем, что здесь употреблено старое, постепенно исчезающее название Миллионной – Немецкая улица.

В. Ф. Одоевский

Дом покойного Пальчикова покупает камергер императрицы Елизаветы Петровны Василий Иванович Чулков. На его примере можно наглядно проследить, как порой делались придворные карьеры. Бывшего придворного истопника со временем пожаловали в камергеры за безукоризненное исполнение особо интимных обязанностей стража царицына алькова. Каждый вечер он появлялся с матрацем и двумя подушками, чтобы провести ночь на полу у постели государыни. Верная заветам старины, Елизавета весьма жаловала обряд чесания пяток на ночь, для чего в спальню приглашались мастерицы этого дела.

На рассвете они удалялись, уступая место Разумовскому, Шувалову или иному временному избраннику, но Чулков оставался на своем посту. В двенадцать часов дня императрица вставала, и случалось, что ее сторож в это время еще крепко спал. Тогда она будила его, вытаскивая из-под головы подушки или щекоча под мышками, а он, приподнимаясь, целовал свою благодетельницу в плечико, называя ее «белой лебедушкой». Столь фамильярная близость к царице принесла ему в конце концов чин генерал-поручика и орден Святого Александра Невского.

К 1791 году бывший дом Чулкова перешел к любимице и наперснице другой императрицы, Екатерины II. Камер-юнгфера (а проще говоря – горничная) Мария Саввишна Перексихина почти сорок лет оставалась при своей государыне, сопровождая ее во всех путешествиях, на прогулках, а иногда и во время парадных выездов.

Она имела право являться в спальню государыни по первому звонку и помогала ей одеваться. Хорошо разбиравшаяся в людях, Екатерина высоко ценила сердечную преданность

простой и малообразованной, но умной и покладистой Перекусихиной. В привязанности одинокой пожилой девицы чувствовался оттенок сентиментальной влюбленности, что дало повод Екатерине в шутку называть себя ее женихом. Однажды она подарила Марии Саввишне дорогое кольцо со своим портретом в мужском костюме, сказав при этом: «Вот тебе жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь».

М. С. Перекусихина

Пользуясь особым доверием Екатерины, Перекусихина любила ее не только как могущественную государыню, но и как обыкновенную женщину, со всеми присущими ей слабостями. Конечно же она знала больше всех о том, что называлось «комнатными обстоятельствами», но умела держать язык за зубами: ни один из ее многочисленных рассказов, записанных современниками, не касался интимной стороны жизни императрицы.

После смерти матери Павел пожаловал Перекусихиной пожизненную пенсию и земельные угодья. Кроме того, как написано в указе, «в рассуждении долговременной и усердной службы, всемилостивейше пожаловали ей в вечное и потомственное владение дом бывшего придворного банкира барона Сутерланда... состоящий на берегу реки Невы, с принадлежащим к нему местом и строением»³.

³ Незадолго до смерти Екатерина II пожаловала этот дом своему секретарю А. М. Грибовскому, но не успела подписать

Мария Саввишна не пожелала перебираться в пожалованный ей особняк на Английской набережной (дом № 66), продав его голландскому купцу Бетлингу, а сама поселилась в собственном небольшом домике неподалеку от дворца. Там, окруженная портретами Екатерины и ее мебелью, она мирно доживала свой век среди близких людей – племянницы Е. В. Торсуковой, ее мужа и дочери.

«Как теперь гляжу я на эту милую старушку, скромно, но всегда опрятно одетую, низенькую ростом, худенькую, в белом, как снег, накрахмаленном чепчике, из-под которого виднелись слегка напудренные волосы, сидящую за своим столом с книжкой или за гранпасьянсом», – пишет в своих воспоминаниях, относящихся к 1818 году, Д. Н. Свербеев. Он же изображает ряд забавных сценок, разыгрывавшихся время от времени в доме отставной камер-юнгферы.

Среди посетителей гостеприимного жилища был П. И. Сумароков, некогда известный, ныне же забытый писатель, племянник знаменитого драматурга. «По семейному чувству он предпочитал... дядю своего, Сумарокова, как поэта и автора, великому Ломоносову. Я был однажды свидетелем весьма интересной литературной, а вернее сказать, ругательной схватки между двумя потомками этих двух великих писателей давно минувшего времени. Соперницей в споре с Сумароковым была девица Константинова, внучка Ломоносова.

Спорили, а потом бранились они между собой за обедом у Перекусихиной, к соблазну десятка собеседников. Старушка-хозяйка долго с негодованием их слушала и насилию угомонила», – писал в своих «Записках» Д. Н. Свербеев.

Этот словесный поединок как будто продолжил яростные застольные стычки между самим Ломоносовым и Сумароковым, нередко происходившие в доме их общего покровителя И. И. Шувалова.

Заезжала проводить Марию Саввишну и небезызвестная московская барыня Н. Д. Офросимова, послужившая прототипом сразу для двух писателей – А. С. Грибоедова (старуха Хлестова) и Л. Н. Толстого (М. Д. Ахросимова). Она специально приезжала в Петербург для наблюдения за служившими в гвардии сыновьями.

Этикетная Перекусихина с трудом мирилась с новыми модами. Однажды, вспоминает тот же Свербеев, когда он приехал к ней с визитом в белых панталонах поверх сапог (в ту пору это только что стало входить в моду), она отправила его обратно, а на все объяснения сурово ответила: «Не у меня, только не у меня! Ко мне, слава богу, никто еще в портках не входит. Отправляйся домой, переоденься и непременно приезжай к обеду: я буду ждать».

Внучатая племянница М. С. Перекусихиной, крестница Екатерины II Мария Ардадьоновна Торсукова, вышла замуж за Петра Андреевича Кикина, человека весьма примечательного. Его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Отец Петра Андреевича принадлежал к служилому московскому дворянству, потерявшему значение при Петре I, после того как один из Кикиных примкнул к сторонникам царевича Алексея и кончил жизнь на плахе.

П. А. Кикин

По отзывам современников, в молодости П. А. Кикин считался остряком, галломаном и модным светским щеголем, однако знакомство с адмиралом А. С. Шишковым и его кружком круто изменило его взгляды: он сделался убежденным славянофилом и вступил в члены литературного общества «Беседа любителей русского слова». Незадолго до начала Отечественной войны Кикин принял участие в реформировании русской армии. Во время боевых действий Петр Андреевич проявил большое мужество, за что был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и произведен в генерал-майоры. Потом он участвовал в кампаниях 1813–1814 годов, командовал бригадой, а по возвращении из Парижа вышел в отставку, женился и поселился в известном нам доме.

В 1816 году Кикин назначается статс-секретарем «у принятия прошений на Высочайшее имя приносимых» и в этой должности проявляет свойственные ему черты характера – независимость суждений, неподкупность и настойчивость в отстаивании решений, кои он считал справедливыми. Особое место принадлежит Петру Андреевичу в истории русской культуры: он стал одним из учредителей и первым председателем Общества поощрения художников, основанного в Петербурге в 1820 году. Благодаря Кикину получили заграничную командировку братья Брюлловы, он покровительствовал Венецианову, содействовал выкупу на волю крепостных художников.

Крупнейший русский живописец Александр Иванов, не особенно щедрый на хвалебные отзывы о художественных деятелях своего времени, отметил в записной книжке, что «Кикин

есть один из почтенных людей и весьма радушных к пользе художников». Кикин состоял членом Вольного экономического общества и, выйдя в отставку, занялся усовершенствованием сельскохозяйственной техники, много сделав также для улучшения быта своих крестьян.

М. П. Волконская

Дочь Кикина, Мария Петровна, вышла замуж за светлейшего князя Дмитрия Волконского. Между тем дом Марии Васильевны Ланской после ее смерти в 1842 году перешел в собственность Екатерины Алексеевны Волконской, известной в обществе под именем «la tante militaire» («воинственная тетушка»), каковой она приходилась отцу Дмитрия Петровича, министру двора светлейшему князю Петру Михайловичу Волконскому. Еще при жизни тетушка пожелала передать любимому племяннику все свое имение, включая дом на Дворцовой набережной, с условием получать от него весьма солидную пенсию и квартиру в нижнем этаже. Неизвестно, однако, знал ли племянник, что тетушка должна казне около 400 тысяч рублей. На его счастье, император Николай I в 1845 году простил ему этот огромный долг.

Отец отдал дом сыну, и таким образом два доселе отдельных здания соединили в одно, о чем пишет в своих «Записках» граф М. Д. Бутурлин: «Дом, или, правильнее, дома Волконских, потому что таковых было два рядом, составляли угол Дворцовой набережной и Мошкова переулка... Хотя оба дома были отделены снаружи, даже и по архитектуре, но внутри соединены в один общий. Один из них выходил на Большую Миллионную».

Теперь о самих супругах Волконских. Что касается Дмитрия Петровича, то о нем особенно говорить нечего. Как отмечает тот же Бутурлин, «князь был неблестящего ума... но

был добродушный человек откровенного и незаносчивого нрава». В отличие от мужа Мария Петровна являлась натурой одаренной, унаследовавшей от отца любовь к живописи. Предоставим слово хорошо знавшему ее М. Д. Бутурлину: «Княгиня была великая любительница и знаток по всем отраслям художеств, но специальное занималась русскою стариною в зодчестве и живописи. По утрам ее гостиная представляла вид рисовального класса... Все они (имеется в виду хозяйка дома и работавшие с ней художники-любители. – А. И.) под руководством академика Ф. Г. Солнцева писали акварельными и гуашными красками роскошные святцы со славянским текстом и иконописными картинками, с орнаментами, составлявшими рамку страницы... Огромный и кропотливый труд этот был чем-то вроде итальянских и французских рукописных часовников и молитвенников с миниатюрами XII–XIV веков, писанных на пергаменте; но святцы, над которыми трудились княгиня Волконская и ее окружающие (по рисункам Ф. Г. Солнцева), писались, для большего удобства, на плотной веленовой бумаге, и все фоны фигур были из золота».

Упоминаемый здесь Ф. Г. Солнцев – известный в свое время художник-археолог, знаток русских древностей. По его рисункам возобновлялись в Кремле царские терема, храмы, дворцовые палаты, восстанавливались древние фрески Софийского собора в Киеве.

Кроме Солнцева, постоянными посетителями княгини были художники К. П. Брюллов, написавший ее великолепный портрет, и П. В. Басин. Своим человеком в гостиной Марии Петровны считался и артист русской оперы, певец-баритон С. С. Гулак-Артемовский, впоследствии автор популярной оперы «Запорожец за Дунаем», вдобавок недурно писавший миниатюры на слоновой кости. М. Д. Бутурлин вспоминает, как «однажды я и он угостили княгиню и ее компанию таким ревучим исполнением дуэта... из Доницеттиевой оперы «Марино Фальеро», что оглушенные нами слушатели выбежали из комнаты и оставили нас одних допевать дуэт».

В отношении всех своих гостей – будь то министр внутренних дел или скромный художник – Мария Петровна вела себя одинаково предупредительно, не делая никаких различий, «чуждая спеси, слабостей и мелочных расчетов аристократической касты». Отмечая ее непринужденность в обращении, верность в дружбе, теплоту сердца и терпимость к слабостям ближнего, Бутурлин заключает: «Мне кажется, что суждение мое не будет пристрастным, если скажу, что насколько человеческая натура может подходить к совершенству, таковым была эта женщина».

Век ее оказался коротким: она скончалась в 1854 году, в возрасте тридцати восьми лет. За ней вскоре последовал ее муж, и дом достался по наследству их сыну, Петру Дмитриевичу, женившемуся на графине Ольге Петровне Клейнмихель, дочери бывшего министра путей сообщения. По свидетельству другого мемуариста, графа С. Д. Шереметева, в 1860-х годах «Волконские жили в своем доме на Дворцовой набережной, жили широко, и дом их сделался пристанищем, родом клуба всей золотой молодежи. Неудержимою волною лилось разливанное море шампанского, и гостей было несть числа... Раз как-то я попал к ним на вечер; были цыгане, «Шли три они». Княгиня неистово требовала, чтобы пели «Пропадай моя телега, все четыре колеса» и сама приударила».

Библиотека в доме Г. А. Черткова. Фото 1915 г.

В конце концов, как и следовало ожидать, телега со всеми своими колесами и впрямь пропала – хозяева разорились дотла. Дом перешел к сестре князя, Екатерине Дмитриевне, бывшей замужем за директором Императорских театров И. А. Всеволожским. В 1877 году она продала обветшалый фамильный особняк Григорию Александровичу Черткову, сыну основателя знаменитой библиотеки в Москве, археолога и нумизмата А. Д. Черткова.

Немедленно после кончины отца сын приступил к исполнению его намерения, поместив библиотеку (при ней издавался в первые годы своего существования журнал «Русский архив») в специально выстроенном, трудносгораемом здании и открыв ее для общественного пользования. Г. А. Чертков был коренным москвичом, и его переезд в Петербург объяснялся назначением на придворную должность шталмейстера, а затем егермейстера, заведовавшего царской охотой.

Библиотека в доме Г. А. Чертова. Фрагмент отделки. Фото 1915 г.

Выразительное описание молодого Чертова оставил его друг С. М. Заголкин, сын известного писателя: «Маленький, худенький, смугленький, с довольно большим горбатым носом, живыми огненными черными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, как будто эластичными манерами, он походил на какого-то мальчика из гуттаперчи; но за этим

мальчиком усердно ухаживали разные маменьки, усматривая в нем блестящую партию для своих дочерей, которые почти все поголовно вздыхали по нем и таяли от чарующего, пронзительного его взгляда, производившего то же самое действие и на многих замужних женщин, забывавших ради «Гриши» седьмую заповедь».

Гриша же в конце концов остановил свой выбор на Софье Николаевне Муравьевой, дочери генерала Н. Н. Муравьева-Карского, выдающегося военачальника и путешественника, автора нескольких книг и интересных мемуаров. Именно Г. А. Чертков после смерти тестя издал его книги «Турция и Египет», «Русские на Босфоре» и «Война за Кавказом».

8 октября 1883 года государственный секретарь А. А. Половцов сделал в своем дневнике следующую запись: «Умерла весьма милая, почтенная, симпатичная женщина – Софья Николаевна Черткова. Муж довольно пустой человек, гоняющийся за мелкими почестями егермейстерства». Думаю, что последнее замечание не совсем справедливо. Во всяком случае, ему противоречит отзыв С. М. Загоскина, которого связывала с Григорием Александровичем длительная дружба: «Во всех своих должностях Чертков отличался усердием, добросовестностью и всегда заслуживал полное уважение всех лиц, бывших с ним в каких-либо отношениях».

Сын Черткова, Григорий, по словам одного из своих сослуживцев-кавалергардов, слыл «одним из культурнейших офицеров полка». В 1910-х годах Г. Г. Чертков по проекту архитектора А. Я. Белобородова заново отделал внутренние помещения своего особняка на Дворцовой набережной в неоклассическом стиле. Росписи выполнил художник Н. А. Тырса. Особенно великолепна отделка библиотеки; фотографии интерьеров, представлявших несомненную художественную ценность, поместил «Ежегодник архитектора».

К сожалению, эти интерьеры, как и многое другое из культурного наследия прошлого, не дошли до нас. Но остался дом Черткова, хранящий память о лучших временах.

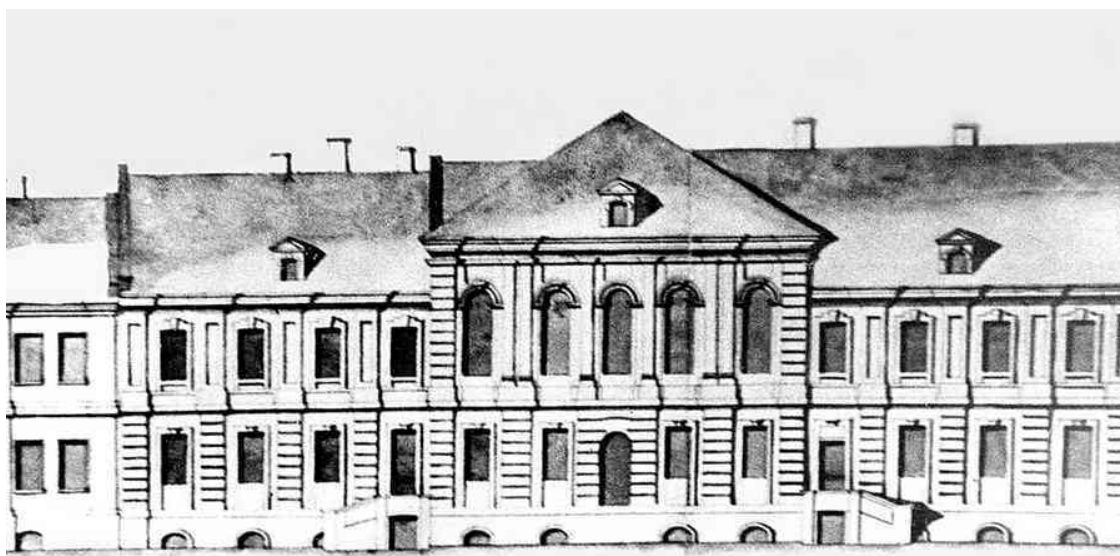

Во фраке, надетом на голое тело... **(Дом № 24 по Дворцовой набережной)**

Дом № 24 на Дворцовой набережной с пышным необарочным фасадом имеет довольно типичную судьбу: за долгое время существования ему приходилось неоднократно «переодеваться», постепенно меняя свой облик, поэтому первоначальный его вид так же мало похож на теперешний, как день на ночь. В этом легко убедиться, взглянув на чертеж из коллекции Берхгольца и сравнив его с современной фотографией. Здание трижды надстраивалось, и все же три верхних этажа имеют старые стены, сооруженные еще в петровские времена.

В 1715 году участок на берегу Невы, неподалеку от царского дворца, получил генерал-поручик князь В. В. Долгорукий. Судьба его, как бывало нередко в ту пору, изобилвала превратностями. Сумев возвыситься благодаря своим полководческим талантам и твердому, решительному характеру, Василий Владимирович завоевал доверие и уважение Петра I, но, встав на сторону злополучного царевича Алексея, вмиг утратил государево расположение: он был арестован и в кандалах доставлен в Москву, где по приговору суда лишен чинов, знаков отличия, имущества, а вслед за тем отправлен в ссылку, так и не успев докончить палаты на набережной.

Дом И. М. Головина. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Дом № 24 по Дворцовой набережной. Современное фото

Канцелярия городских дел, рассмотрев в 1719 году вопрос о достройке дома опального князя, порешила отдать его участок генерал-майору И. М. Головину, который по проекту и под наблюдением архитектора Н. Ф. Гербеля довершил начатое. При этом за образец зодчий взял соседние палаты графа И. А. Мусина-Пушкина (где ныне дом № 26). Поскольку участок Головина был гораздо уже, Гербель прибегнул к оригинальному композиционному приему: он зеркально повторил фасад расположенного слева четырехконного дома Пальчикова в правой части возводимого им здания, а пятиконный ризалит сдвинул влево, сделав его как бы центральным. В действительности же это не так – и дома Пальчикова и Головина, как видно на чертеже, даже немного различаются по высоте.

И. М. Головин

Иван Михайлович Головин (1670–1737) – личность весьма неоднозначная: редко о ком мнения расходятся столь диаметрально. Включенный Петром I в группу знатных недорослей, отправленных за границу в составе Великого посольства, он работал вместе с царем на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме, изучая корабельное дело. После возвращения посольства государь снова послал Головина в чужие края, на сей раз в Венецию, – для овладения итальянским языком и премудростями постройки галер. Однако уже не совсем юный в ту пору ученик не проявил особого интереса ни к первому, ни ко второму и вернулся восвояси столь же мало обремененный знаниями, как и до своего путешествия.

Учинив бывшему сотоварищу экзамен, царь, питавший к веселому и ветреному шалопаю какую-то неодолимую слабость, ограничился тем, что сделал его в наказание и в насмешку главным корабельным надзирателем, положив жалованье 6 алтын (то есть 18 копеек!) в год. Вдобавок он присвоил ему титул князя Бааса (музыкальный инструмент, на нем вместо изучения наук выучился играть Головин) и велел снять с него портрет «с приложением всех составных частей корабля».

Царю по странной прихоти нравилось выставлять Головина знатоком в том деле, в коем тот был полным невеждой, и награждать за заслуги, принадлежавшие самому Петру. Назначенный впоследствии начальником всех корабельных верфей России, Иван Михайлович щеголял золотым циркулем, усыпанным бриллиантами, – знаком своего высокого достоинства. В

действительности же всеми работами руководил сам царь, оставивший своему любимцу лишь представительские функции.

Впрочем, Головин оказался очень неплохим сухопутным воином, участвовал во многих походах и к 1717 году дослужился до генеральского чина. Кроме того, Петр ценил его за прямодушие, верность и природные таланты, чем так богата русская натура. И все же трудно отделаться от мысли, что Иван Михайлович играл при государе роль привилегированного шута, которому позволялось резать правду-матку в глаза своему повелителю и прощались самые смелые, даже дерзкие выходки, невозможные для других.

Однажды он будто бы на глазах царя порвал решение Сената о дополнительном сборе хлеба с крестьян, предложив вместо этого самолично поставить 10 тысяч четвертей и призвав сенаторов последовать его примеру. В заслугу И. М. Головину можно также вменить успешную борьбу с взяточничеством и казнокрадством во вверенной ему отрасли – кораблестроении. Проявлял он заботу и о подготовке новых корабелов, отправив для обучения за границу большую группу молодых людей.

После смерти Петра Головин продолжал службу; в 1725 году его назначили обер-кригс-комиссаром (то есть главным интендантом) Адмиралтейства, а в 1732-м он удостоился чина адмирала.

Примечательно, что почти все отрицательные отзывы о И. М. Головине принадлежат иностранным авторам, а положительные – его соотечественникам. Очевидно, «загадочная русская душа» Ивана Михайловича осталась закрытой для чужеземцев, не разглядевших ее привлекательных сторон и не сумевших по достоинству оценить верного слугу царя и Отечества.

Иван Михайлович оставил после себя трех дочерей и двоих сыновей; старший из них, Александр, и унаследовал отцовский дом. Он пошел по стопам отца, избрав морскую службу, и тоже дослужился до адмиральского чина, но особыми способностями не блистал и имя свое ничем не прославил. В 1740-х годах А. И. Головин со своим семейством проживал в деревянных «хоромах» на Фонтанке, у Чернышева переулка, а дом на набережной, выходивший другим фасадом на Миллионную, сдавал внаем.

Об этом говорит объявление, напечатанное в «Санкт-Петербургских ведомостях» 8 января 1748 года: «Имеющийся вице-адмирала и кавалера Александра Ивановича Головина по набережной Невы реки каменный дом с погребями, в три апартамента (то есть этажа. – А. И.) и с принадлежащими службами, да в оном же доме в Миллионную улицу каменные погреба да в верхнем апартamente 5 покоев отдаются в наем, и желающие нанять явиться могут и о цене спросить в его же доме на реке Фонтанке, на Московской части».

В 1766 году адмирал умер, его вдова Мария Ионишна переселилась в Москву, а дом на Неве по семейному разделу достался ее дочери Екатерине Александровне, бывшей замужем за обер-гофмаршалом князем Н. М. Голицыным. В 1769 году княгиня скончалась через три дня после рождения маленького Александра; ему позднее и перешел по наследству родительский особняк.

Этот достойный отпрыск, получивший от приятелей прозвище «Cosa gaга» (по-итальянски «Редкая вещь» – название любимой оперы князя), на самом деле к редкостям отнюдь не принадлежал, напротив – являл собой весьма распространенный и неистребимый тип никчемного прожигателя жизни и отцовских денег. Он прожигал их и в буквальном смысле, раскуривая крупными ассигнациями трубки своих гостей и проделывая тому подобные шалости. Спустив за полгода собственное огромное состояние, исчислявшееся двадцатью тысячами крепостных душ, молодой повеса принялся за женино, да так рьяно, что над его именными учредили опеку.

Главный опекун, граф П. В. Завадовский, продал в августе 1792 года уже заложенный Голицыным дом на набережной Невы генерал-майору В. С. Попову, еще недавно управляв-

шему всеми делами князя Потемкина, а после смерти своего патрона переселившемуся в Петербург и занявшему почетное место при дворе.

Своей удачной карьерой Василий Степанович целиком обязан той роли, какую играл при светлейшем; не имея ни особых дарований, ни глубоких знаний, он взамен того обладал другими драгоценными качествами: неутомимой прилежностью и умением в нужную минуту всегда оказываться под рукой, что чрезвычайно ценил его начальник. Назначенный правителем канцелярии, Попов почти безвыходно в ней находился, часто спал, не раздеваясь, рядом с покоем страдавшего бессонницей фельдмаршала, готовый в любое время дня и ночи поспешить на его зов, притом одетый по всей форме.

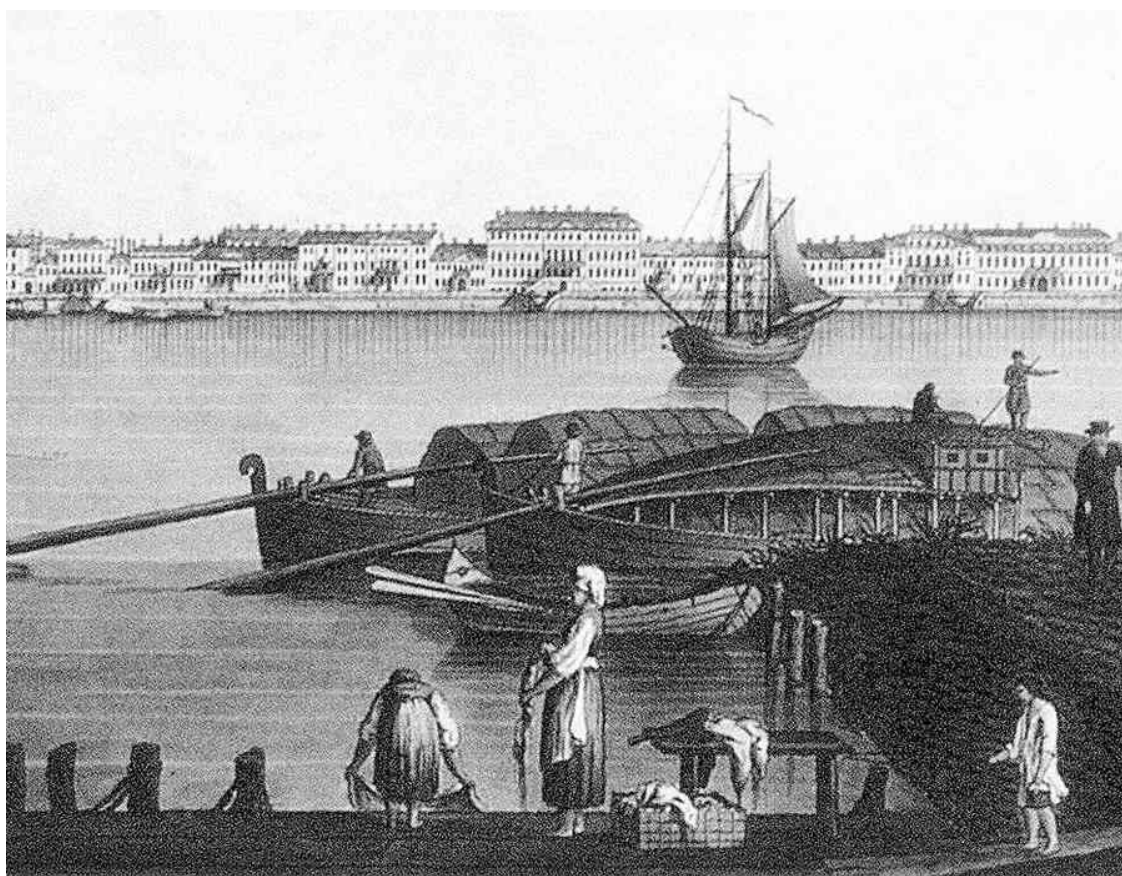
В. С. Попов

Благодаря этому, а также скорому и точному исполнению порученных дел, Василий Степанович снискал полнейшее доверие князя и пользовался им до самой смерти покровителя, осыпавый чинами и наградами. За десять лет службы он из майоров попал в генерал-майоры, получив небывало высокий для его звания и должности орден Святого Владимира 1-й степени и две с половиной тысячи душ крестьян. Впрочем, имея неограниченный доступ к огромным суммам денег, находившимся в безотчетном распоряжении Потемкина, В. С. Попов делал такие издержки на свой стол, картежную игру и любовниц, что, по словам статс-секре-

таря Екатерины II Адриана Грибовского, собственных его доходов «и на один месяц не могло бы достать». Тот же Грибовский в своих «Записках» рассказывает, что «часто на игру приносил он из своего кабинета полные шляпы червонцев, которые никогда в оный не возвращались».

Смерть Потемкина все покрыла: Екатерина велела списать на государственные нужды гигантские расходы покойного князя, к каковым в немалой степени приложил руку и Василий Степанович, а Попова поставила заведовать своим кабинетом. Тут-то ему и понадобился дом поблизости от дворца.

К тому времени бывшие палаты Головина совершенно изменили свой странноватый вид; скорее всего, их перестроили в 1760-х годах, после сооружения новой гранитной набережной. Тогда многие дворцы и особняки, возведенные в прежние годы, показались вдруг недостаточно богатыми и представительными по сравнению с новыми, появившимися 30–40 лет спустя.

Б. Патерсен. Дворцовая набережная у Мраморного дворца от Петропавловской крепости. Фрагмент. 1793 г. Второе здание справа – дом В. С. Попова

Картина Б. Патерсена, написанная в 1793 году, донесла до нас облик Дворцовой набережной конца XVIII века; на ней отчетливо виден и дом В. С. Попова, стоящий слева от величественного дворца вице-канцлера графа И. А. Остермана, перестроенного из бывших палат Мусина-Пушкина⁴. Если он и не так пышен, как последний, то все же выглядит довольно внушительно: трехэтажный (не считая подвального этажа), в девять окон по фасаду, с мезонином и пятиоконным центральным ризалитом; бельэтаж с двухсветными парадными апартаментами снабжен массивным балконом, а гладь стены над большими полуциркульными окнами украшена лепными барельефами.

⁴ Позднее он перешел к князю Н. В. Репнину, а в 1807 году куплен был для французского посла. Через 60 лет на его месте возвели дворец великого князя Владимира Александровича (ныне здесь помещается Дом ученых).

По своей должности Василий Степанович ежедневно имел возможность видеть государыню, чего никогда не упускал, но, не пользуясь особым благоволением Платона Зубова, ни к каким государственным делам не допускался, навсегда утратив то значение, какое имел при Потемкине. Женат он не был, хотя имел детей, впоследствии усыновленных, от одной актрисы, но с ней давно расстался и одиноко проживал в своем особняке, посещаемый лишь немногими близкими людьми.

Н. П. Архаров

Вступив на престол, Павел I припомнил Попову близость к Потемкину и тут же отправил бывшего секретаря в отставку, купив его дом за 100 тысяч рублей для Н. П. Архарова, назначенного петербургским генерал-губернатором. За плечами у Николая Петровича к тому времени были уже долгие годы службы, начатой еще при Елизавете. Особой известности и, можно сказать, мировой славы он добился благодаря своим изумительным розыскным способностям: это был в полном смысле слова гений сыска.

Назначенный Екатериной II в 1775 году на должность московского обер-полицмейстера, Архаров в полную силу развернул свои таланты; при помощи вездесущих полицейских шпионов, пресловутых «архаровцев», он до мельчайших подробностей знал все, что творилось в Первопрестольной, и с непостижимой быстротой отыскивал всевозможные пропажи. Будучи превосходным физиономистом, Николай Петрович по лицам подозреваемых безошибочно распознавал их причастность или непричастность к расследуемому преступлению.

О нем ходило множество анекдотов, сделавших имя его легендарным. Но и этот человек, обладавший столь острой проницательностью, не смог угадать желания своего господина: всего через полгода он слетел с занимаемой должности, не успев обжиться на новом месте. Недавно пожалованный дом пришлось продавать.

К счастью, покупатель нашелся скоро; им оказался иностранный купец Антонио (в России его звали Антоном Антоновичем) Ливио, купивший участок в 1797 году, чтобы всего через несколько месяцев снова его продать. За этот короткий срок он успел полностью перестроить оба корпуса дома, выходявшие на набережную и на Миллионную улицу, в стиле строгого классицизма.

Новая владелица, супруга придворного гардеробмейстера И. П. Кутайсова, приходилась сестрой уже знакомому нам Д. П. Резвому, чей дом находился рядом. Он был родным для Анны Петровны, и ей, вероятно, хотелось иметь жилище неподалеку от отцовского, теперь принадлежавшего брату.

А. П. Кутайсова

Новый дом, надо полагать, представлял удобство и для ее супруга Ивана Павловича Кутайсова, по причине близости к дворцу его повелителя, которому турчонок-сирота, взятый в плен при штурме Бендер, был обязан абсолютно всем. Вся предыдущая жизнь Кутайсова прошла при дворе великого князя, а ныне императора Павла. В честь него он назвал своего старшего сына Павлом.

Обучившись в Париже и Берлине парикмахерскому искусству, Иван Павлович исполнял при наследнике обязанности камердинера. Благодаря присущей ему ловкости и сметливости

он добился почти невозможного: несмотря на редкие периоды временного охлаждения, сумел стать совершенно необходимым человеком, и сам оказывал на великого князя немалое влияние. Он сохранил его и в будущем, умело проведя утлую ладью своего благополучия мимо подводных рифов павловского царствования. Постепенно Кутайсов получил все высшие российские ордена, вплоть до Андрея Первозванного, баронский, а затем и графский титулы, не переставая при этом брить своего господина.

Когда это ему окончательно прискучило, он стал жаловаться, что у него дрожит рука, и рекомендовал вместо себя одного военного фельдшера, успешно брившего многих генералов. Однако Павел так взглянул на нового кандидата, что у того бритва вывалилась из рук, и он так и не смог приступить к делу. «Иван! – крикнул император. – Брей ты!» И Кутайсов, сняв Андреевскую ленту, засучил рукава и, вздохнув, принялся за прежнее ремесло.

И. П. Кутайсов

Помимо чинов и наград, оно принесло ему колоссальное состояние, сделав одним из богатейших людей в России. Не довольствуясь щедрыми пожертвованиями, Кутайсов употреблял все свое влияние, чтобы прибирать к рукам самые прибыльные поместья, притом по дешевой цене: корыстолюбие фаворита не знало пределов, управляя всеми его поступками.

И. П. Кутайсов сослужил лишь одну службу России – произвел на свет сына Александра, тому за его короткую жизнь суждено было стать одним из самых талантливых военных деятелей своего времени. В 1805 году, двадцати лет от роду, А. И. Кутайсов произведен в генерал-майоры, принимал участие в походах 1806-го и 1807 годов, командовал артиллерией под Пултуском. Особенно отличился он при Прейсиш-Эйлау, где с 36 орудиями спас от гибели

центр армии, отбив наступление маршала Даву. За этот подвиг граф получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Похоже, что талант артиллериста он унаследовал от дяди, Д. П. Резвого, и лишь ранняя смерть помешала ему развить его вполне. Молодой генерал пал в Бородинском сражении, бросившись в штыковую атаку во главе пехоты левого крыла, откуда вернулся только его конь с окровавленным седлом.

Все современники едины в восхвалении редких душевных качеств Александра Кутайсова, его необыкновенной доброты, ума, любознательности. Он отлично знал шесть иностранных языков, писал стихи по-русски и по-французски, прекрасно рисовал и обладал обширными познаниями в артиллерии и фортификации. Ранняя смерть его стала утратой для России.

Убийство императора Павла I в марте 1801 года резко нарушило жизнь семейства Кутайсовых. Иван Павлович на короткое время подвергся аресту, а выпущенный на свободу, счел за благо немедленно отбыть в чужие края, принеся своих оставленных домочадцев в жертву общей ненависти и презрения, которые не коснулись лишь младшего сына. После возвращения на родину бывший фаворит доживал свой век (он умер в 1834 году) в Москве и в имениях, успешно занимаясь сельским хозяйством.

А. И. Кутайсов

При вступлении на престол Александра I старший сын Кутайсова Павел (1780–1840) назначается членом Коллегии иностранных дел, но, прослужив несколько лет в Петербурге, он переехал в Москву. Пожалованный в сенаторы, вернулся оттуда в 1817 году и до самой кончины прожил в материнском доме на Дворцовой набережной. П. П. Кутайсов долгое время

состоял председателем Общества поощрения художников, но, будучи человеком совершенно заурядным, не прославил своего имени никакими свершениями. Впрочем, чинами и наградами графа не обходили, и умер он членом Государственного совета и александровским кавалером.

В 1843 году, уже после смерти Кутайсова, квартиру в доме его матери нанимала госпожа Эвелина Ганская, получившая известность благодаря пылкой любви великого Оноре де Бальзака. Сам писатель в течение двух месяцев жил в доме напротив, ежедневно посещая «голубой салон» своей возлюбленной, с окнами на Дворцовую набережную. Анна Петровна Кутайсова умерла в 1848 году, пережив мужа и обоих сыновей, после чего участок перешел в другие руки.

В 1859 году его владелец, гвардии полковник В. И. Трофимов, по проекту архитектора Г. М. Барча перестроил дом в духе позднего барокко, явно подражая стилю Растрелли. Одновременно дом надстроили четвертым этажом, придав ему тот вид, что в основных чертах сохраняется по сей день.

В 1880-х годах участок обрел своего последнего хозяина, отставного генерал-лейтенанта С. Н. Плаутина, и оставался в его владении до 1918 года. Надстройка в 1901 году еще одного этажа ухудшила пропорции здания, ставшего несоразмерно высоким, зато благоприятно сказалась на основной его функции – служить источником доходов. Пародийность бывшего «дворца наживы» еще сильнее проступает при сравнении его с торжественно-величественным Зимним дворцом, чей стиль он так забавно передразнивает. Вдобавок за пышным фасадом не уцелела даже псевдороскошная отделка начала XX века, и дом теперь напоминает разорившегося богача во фраке, надетом на голое тело.

С фасадом «во вкусе Растрелли» (Дом № 6 по Миллионной улице)

Каждый дом на Миллионной чем-нибудь примечателен, у всякого своя, отличная от других история, и во внешнем облике домов заметно такое же разнообразие – от строгого классицизма (№ 13 и 15) и примитивного конструктивизма (№ 20) до витиеватых изысков эклектики и необарокко. Некоторые напоминают обедневших аристократов, одетых во что попало и не по росту. Именно такое впечатление производит дом № 6 – с нелепо нахлобученными двумя верхними этажами, надстроенными сравнительно недавно и никак не вяжущимися с изукрашенным фасадом «во вкусе Растрелли».

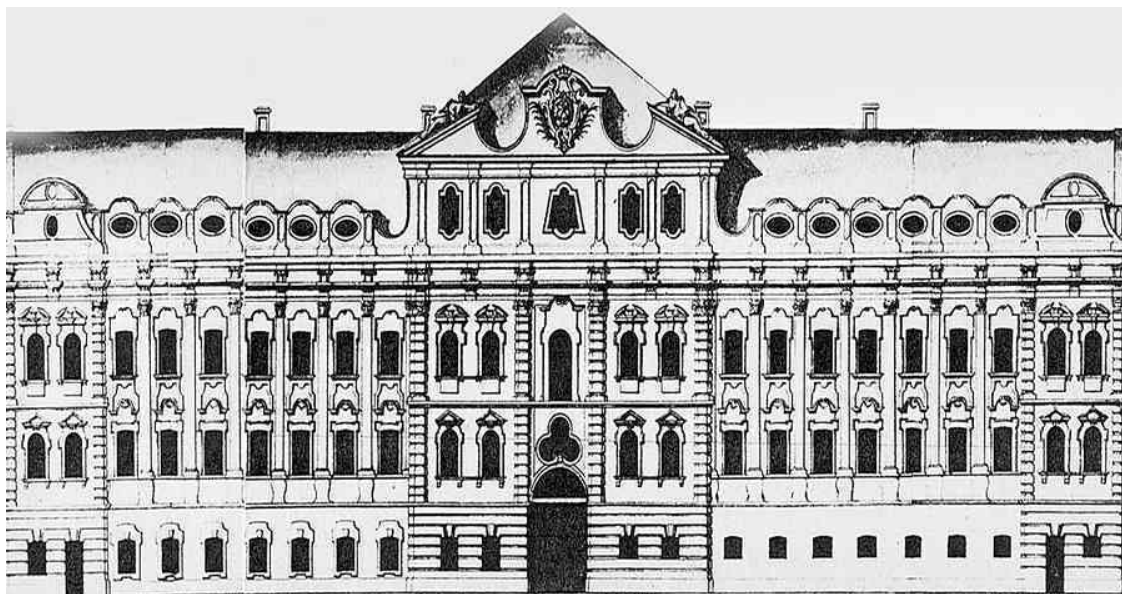

Дом № 6 по Миллионной улице. Современное фото

Когда исторические здания надстраивают с забвением того, что имеют дело не с игрушечными сооружениями из кубиков, высоту которых можно менять произвольно, не соображаясь ни с архитектурным обликом, ни с местоположением, – это ведет не только к искажению наружного вида отдельных домов, но к потере лица всей улицы в целом.

А дом № 6, один из самых богатых и заметных, всегда занимал важное место среди построек на Миллионной и в немалой степени способствовал закреплению за ней этого названия. Еще в 1733 году камергеру Павлу Федоровичу Балку, пользовавшемуся благосклонностью императрицы Анны Иоанновны, пожалован дом на Немецкой улице, как называлась в ту пору будущая Миллионная. К пожалованному Балк прикупил еще три смежных участка, и в 1741 году по проекту И. К. Коробова приступил к возведению больших каменных палат

в два этажа с мезонином, на высоких погребках. Насколько их великолепный фасад в формах раннего барокко напоминал нынешний, можно судить по чертежу 1740-х годов из коллекции Берхгольца.

Дом П. Ф. Балка. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Род Балков или Балкенов, как он некогда именовался, старинного происхождения. Его представители, выходцы из Вестфалии, переселились в Ливонию и поначалу служили шведской короне. В середине XVII столетия майор Н. И. фон Балкен перешел в русскую армию и с чином капитана зачисляется в только что сформированный регулярный полк. Его сын, Федор Николаевич Балк, дослужился уже до генерал-поручика и сделался особенно известен благодаря женитьбе на Матрене Монс, старшей сестре фаворитки Петра I. Царь самолично устроил в 1699 году брак своего любимого полкового командира с бойкой, пронырливой молодкой, охотно взявшей на себя роль сводни в отношениях младшей сестры с влюбленным в нее государем.

На свою беду, неугомонная Матрена столь же охотно содействовала шапшням неверной Анны с неким Кенигсеном, за что и поплатилась трехлетним заключением в тюрьму. В дальнейшем, при вхождении в силу ее брата Вилима Монса, дерзнувшего вступить в связь с супругой императора, Матрена со страстью предалась своему основному влечению – безудержному мздоимству, оказывая за вознаграждение протекцию всем желающим. Кончила она печально: после казни брата в 1724 году ее велено бить кнутом и сослать на вечное поселение в Тобольск. Заступничество императрицы привело лишь к смягчению наказания, и вместо одиннадцати ударов Матрена получила пять. Опала матери отозвалась и на двоих ее сыновьях, Павле и Петре, разжалованных и отосланных в армию.

Скорая кончина царя помогла Балкам вновь обрести утраченное положение; Екатерина I вернула с дороги еще не доехавшую до места ссылки Матрену и определила ей жить в Москве, а ее сыновьям возвратила отобранные придворные звания. Впоследствии оба брата вполне преуспели, чего нельзя сказать об их сестре Н. Ф. Лопухиной, во многом повторившей судьбу своей матери. Запутавшуюся в придворных интригах и обвиненную в соучастии в выдуманном заговоре против Елизаветы, ее приговорили к наказанию кнутом и урезанию языка, что и исполнили с варварской жестокостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.